

СМЕНА

№ 16

АВГУСТ

1932

Издание „Комсомольской правды“

КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

Комбайн еще не появился в полях коммуны «Большевик» Кинель-Черкасского района. Комбайны рассчитывают купить роль с площади в 500 га не раньше чем за 6 дней.

Но девушки-комсомолки не со сдались, с этим уроком. Анюта Мичкина, Маша Поддубора, Глеба и их подружки стали вязать, таскать и складировать в кресты и амбары 40 снопов по 700 снопов в день. Подтянули девушек черные и красивые доски на которых мелом были написаны их имена. Сначала больше фамилий было на черной доске. А потом почти все женские фамилии пересочивали на красную.

Спиранились в четыре дня.

Знаете ли вы о чигарек заподлеях, дакие высокие комсомолцы? Это обещ-любимые заподлеи.

Первая гласит: да будет при каждой кошечке зерно-

уловитель.

Вторая гласит: не оставяй в поле ни одного колоса. На этой работе используются девушки и пионеры.

Третья гласит: скирдовать

И. Мещеряков. Комсомолка Юрина, работа которой подвергается тщательной проверке.

Иногда о бракераже на складе говорят. Но что за штука бракераж? — зерноохозе? Как члены бригады работу бесперебойно делают комсомолки-уловители, по полям шагают, как птицы.

А кто рассказывает, что рассказывали комсомолки-бракершники? Об этом рассказ проходила № 2 Северная комсомолка. «Меня приставили к работе. С диспетчерского павильона выхожу один за другим из группы. Первым отправляется бригадир, это Глеба Юриной. За ней и я. И за прожитыми 300—400 метров внимательно смотрю на работу хедера. Хорошо ли он работает, слышу ли пшеницу, как она вывернет и перевернется, опускаясь на почву. И когда пшеница вывернется, слышу выпадание зерна и в прощерах, нет ли пшеницы. Если слышу, пшеница вывернулась».

Гала Григор, одна из лучших ударниц колхоза

Колхозники и скипают в мешок уловленное зерноуловит лем зерноуловитель. Вот как агрушка — охотница из колхоза «Звезда» уроженке бригады первый поставленный комсомолкой бригады за 3—4 часа работы около пуда зерна. А когда и скипаны не, хотела и колхозники о борьбе с потерями, и зерноуловителями.

без маяхути промедления комсомолки обивали досками стены и пол рыдалью и, не теряя на зернышко, перекидывали снопы на талы, где складывают их в скирды.

Четвертая: не касай тупой косой.

В поле организованную работу кос с тупой косой, способствующей осыпанию зерна, не работает больш-

ше ни один комсомолец. Кто же составил и выложил эти замечательные «заповеди»? Крестьяне ребята: машинисты Иванова, Кучкина, Пантелеева, Стариков, Сладеев И., Фролов, Сладеев А.; инструкторы Тарасова, Иванкина.

На снимке: завладелец комсомольским отрядами на основной пункт хлеб нового урожая.

«Обед в поле. На час замерли добрейши, оставляют коней. Бригады прычут в тени, закутываются, отдыхают. Но какой-то чужак, весь обремененный перьями, не отходит от коней. Тут же, в лошадиной компании, и обедает.

Кто же он такой? А это т. Воробьев, комсомолец. И не чужак он вовсе, а лучший ударник. Его упитанные кони скипают на лошадей по 8 га в день. Глаз не сводит Воробьев с коней в жаркие дни уборки.

Он угадывает за лошадей, как жить за ребеком, — поспевают, говорит комсомолец.

А кто и тут смеется, товарищи? Бригада, где работает Воробьев, успела за пять дней скосить, связать и заскирдовать роль на

Тов. Воробьев комсомолец, конюх колхоза «Дост жеиние» Молочанского района. Участие в 250 га, не оставя в поле ни одного колоса.

В колхозе «Молните н», Тугановского района, работает специальная бригада из подростков для сгребки оставшихся в поле колосов. Ни одного необранного колоса в поле не оставим!

Литературно - художественный,
общественно - политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Масштаб «Моск. правда»

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышский пер., д. 3-4
Тел. 4-51-54

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Рассказы и очерки

М. КОЛОСОВ	
Молодая гвардия (с ены на пьесы)	6
Ан. ЧАРОВ	
Три тезиса	8
Н. Д. — Героическая хроника	10
П. БУРМИСТРОВ	
Боевые встречи	16
В. СОРОКИН	
Два перевала	18
ДМ. ЛЕБЕДЕВ	
Когда хочется жить	20
М. ГОЛЬДБЕРГ	
Кухтрост	22

Стихи

ДЖЕК АЛТАУЗЕН	
Первое поколение	14
ГЕОРГИЙ БАРАНОВ	
Рабочий отдых	15
ЕЛЕНА РЫВИНА	
Год рождения 1917 г.	17
ЭРИХ ВАЙНЕРТ	
Глаза ребенка смотрят на тебя	23

Комсомолец на фронте стройки	2
Фото-монтаж „Учись шагать в в боевом ряду“	5
Фото-монтаж „Всеобщая олимпиада самодельного искусства“	12
Обложка „Наступление Юденича на Питер. Молдые рабочие перед уходом с дежурства“	
Рисунки Коновалова. Фото: Комсомольского музея, Ссы- зюфоты, Игнатович, Соро- кина	

15 ЛЕТ МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО КОМСОМОЛА

Один из организаторов ленинградского комсомола Петр Смородин — нынешний секретарь Выборгского райкома ВКП (б) — выступает на вечере воспоминаний в Ленинградском доме старо и молодой гвардии

ВРЕМЯ НАГОТОВЕ БИТВЫ ГРЯДУТ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Комсомол Советского союза встречает Восемнадцатый международный юношеский день новыми победami на фронте строительства бесклассового общества и укрепления обороноспособности социалистического отечества пролетариев всех стран. Миллионы массы комсомольцев, рабочей, колхозной и трудящейся молодежи нашей страны с беззаветной преданностью дерутся за выполнение боевых заданий партии большевиков.

Тов. Сталин в 1925 году поставил перед комсомолом следующую задачу:

«Интернационализм является основной идеей, пронизывающей работу комсомола. В этом его сила. В этом его мощь. Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом. Нужно, чтобы успехи и неудачи в борьбе пролетариата нашей страны связывались в сознании комсомольцев с успехами и неудачами международного рабочего движения. Нужно, чтобы нашу революцию научились рассматривать комсомольцы не как самоцель, а как средство и подспорье для победы пролетарской революции во всех странах».

Ленин учил пролетариат всего мира, как бороться против войны: он призывал империалистическую войну превратить в войну гражданскую. Молодые рабочие капиталистических стран, одетые в шинели, в случае нападения на Советский союз сумеют применить этот лозунг на практике. За этот ленинский путь, за неприкосновенность границ Советского союза, за революционный выход из кризиса будет бороться в Восемнадцатый международный юношеский день трудящаяся молодежь всего мира.

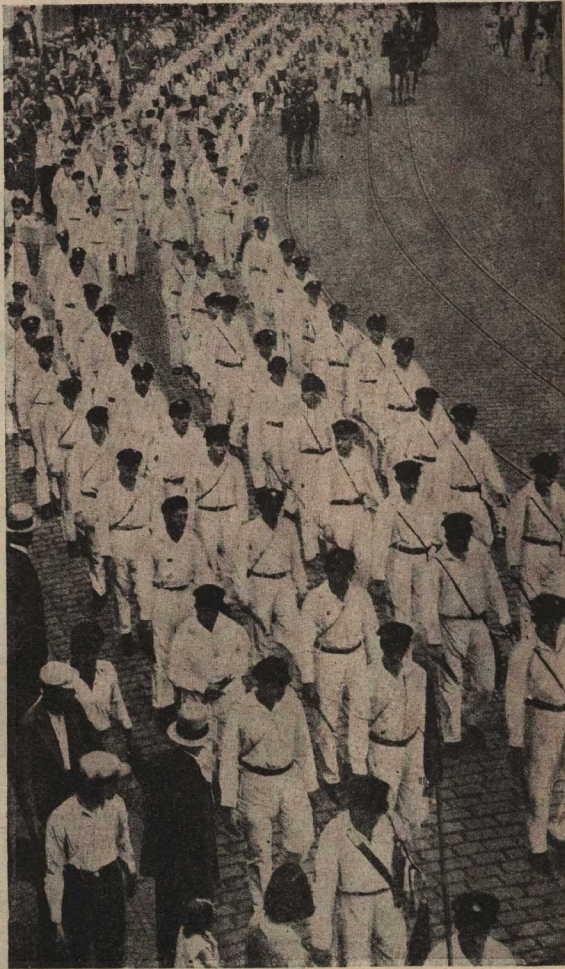
Прирав голода и нищеты шествует по рабочим кварталам Запада, миллионы молодых пролетариев обречены на безработицу, на голод, на постепенное вымирание¹. Молодежь Советского союза выходит в Восемнадцатый МЮД под лозунгами борьбы за повышение материально-бытового и уровня трудящихся. Этот уровень растет из года в год. Комсомол Советского союза в Восемнадцатый МЮД отчитывается перед пролетарской молодежью всего мира производственными достижениями на фронте угля, нефти, руды, чугуна, стали и электричества. Он рапортует цифрами уборки урожая и хлебозаготовок. Комсомольцы на полях совхозов и колхозов показывают образец хозяйского отношения к хлебу, ко всему тому, что в нашей стране уже не является объектом извечной биржевых акул, а стало священной общественной собственностью. Комсомол приходит к интернациональным праздествам с рапортом о развитии колхозной торговли, о борьбе за расширенное производство ширпотреба, за улучшение снабжения рабочих городов и колхозников деревни.

Никогда так сильно не пахло порохом, как сейчас. Острые штыки, жерла дул направлены на советские границы. Центральный лозунг пролетарской молодежи в Восемнадцатый МЮД: «Укрепление мощи Советского союза! В защиту Советского союза!»

Кровавый фашистский террор растет в капиталистическом мире. В Венгрии казнены два революционных борца, строится виселица для третьего. В Китае погребены заживо в гоминдановском застенке Руэцзи. За «помощь русским» были повешены в Румынии четыре комсомольца: Ганья, Василь, Румковский, Книгер.

Но пролетарский интернационализм ломает решетки, стены, блокаду, он проходит через пустыни, океаны, прерии. Перед нашим интернационализмом пада география. Молодые рабочие Берлина, Сталинграда, Шанхая, Бухареста—одна армия, одна цель, один путь.

В Восемнадцатый МЮД еще раз проверим, насколько крепки наши интернациональные связи. Еще раз спросим себя—помогли ли мы комсомольцам капиталистических стран бороться с фашизмом, разоблачать предательскую роль II интернационала и СММ, вооружаться марксистско-ленинской теорией, бороться с оппортунизмом всех сортов в рядах юношеского движения.

Под знаменем единого фронта против фашизма маршируют тысячи юных пролетариев Эссена (Германия)

¹ См. очерк «Когда хочется жить».

УЧИСЬ ШАГАТЬ В БОЕВОМ РЯДУ!

В далекой Монголии комсомольцы празднуют МЮД

„Долой запрещение антифашистской лиги!“, „Избирательное право — 18-летним“ — вот язык комсомольских знамен

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СЦЕНЫ ИЗ ПЬЕСЫ

Действующие лица:

Мельников, Василий Егорыч — рабочий-большевик, 32 года.
 Алексеев, Саша — 17 лет.
 Панич — 16 лет. (Рабочий молодежи завода Бромлей.)
 Лешка — 14 лет. (Завода Бромлей.)
 Сарванский, Леонид — 17 лет. (Члены кружка.)
 Соня — 16 лет. (Члены кружка.)
 Михала — 17 лет. (Ученики.)
 Игорь — 17 лет. (Ассистент.)
 Величкин — меньшевик, председатель завода, 36 лет.
 Время действия — 1917 год.
 Место действия — крупный промышленный центр.

Рабочая молодежь.

Заводской двор. У цеха останавливаются Саша Алексеев и Панич.
 Панич. Ну вот хех тот, Саша. Как дошел, даже не заметю. Пройди...
 Саша. Постой. Придешь ли вечером?
 Панич. Куда?
 Саша. На курсы.
 Панич. (оживляясь). На курсы? Приду.
 Саша. Ждать ли?
 Панич. Не надо, я еще домой сбегую.
 Саша. Ты смотри, не подведи. (Быстро поправляется). Пропустишь одно занятие, трудно будет тебе потом.
 Панич. Я приду (Алексеев задерживает ее руку). Прости!
 Бегит Лешка.
 Лешка. Саша, Паничка, новость слышали? Она за революцию кончилась!
 Саша. Что ты порешь. На митинге каком, что ли, был?
 Лешка. С сегодняшнего дня контрреволюция настала!
 Саша. Надо тебе, Лешка, на митинги перестать ходить, у нас разрыв зашел.
 Лешка. Курсы-то ваши, курсы закрыли!
 Саша (вскрикивая). Как? Кто закрыл?
 Лешка. Величкин! Ума не приложу, где вам теперь, Паничка, свидание назначить. В парк наверное не решитесь со мной пойти. Зарывал меня Величкин. Помогите мне эту мезу унести.
 Панич. Что ты влещешь, Леша?
 Саша. Ты это выдумал. Правда?
 Лешка. А вот Величкин идет. Спроси. (Подходит Величкин).
 Величкин (подает Лешке клас и кисточку). Вот расклей в своем цехе, постера. Да живо! Лешка. Не буду и вам нынче казать.
 Величкин. Что с тобой нынче?
 Лешка. Не буду! Зачем курсы закрыли?
 Алексеев. Андрей Петрович, правду он говорит, будто вы курсы закрыли?
 Панич. Правда?
 Величкин. Приходите, приходите, ребятники. Будете встречаться в парке.
 Панич. Величкин, объясните, почему закрыли курсы? Столько после этого вам на митингах о свободе говорили, ежели вы нам курсы урезаете.
 Величкин. Понимать надо. В ум возмочи: заказ! Завод переключен на оборону. Поняла?
 Панич. Довольно обидно, Андрей Петрович, знаете, мы с вами не согласны.
 Величкин (всплывая). Тебя рабочие не для того выбрали, чтобы ты хозяйну служил. Это тоже понимать надо!
 Величкин. Сознательный, сознательный, ребята. Вот вам объявление, расклейте (тает из объявления, Алексеев не берет, Панич тоже, Величкин всматривает их Лешка. Уходит).
 Лешка прочел объявление, потом сделал из него голуби, с остервенением пускает.
 Токарный цех. У станков — Мельников и Алексеев.
 Алексеев. Василий Егорыч, опять застопорился.

Мельников (подходит к станку Алексеева). Ну, чего у тебя здесь? (Возится со станком). Решишь точил?
 Алексеев. Точил.
 Мельников. Плохо, значит, точил (вынимает резец). Ну куда же так точил? Им и злеба не отрежешь (загибает резец). А что же ваши курсы по квалификации? Или ты не ходишь на них?
 Алексеев. Нету, Василий Егорыч, курсов. Крышка им.
 Мельников. Как так?
 Алексеев. Величкин закрыл.
 Мельников, Величкин? Ну, а вы чего смотрите, молодежь?
 Алексеев. Только что с ним разговаривали. Он не только что внимания, никакого обращения не дает.
 Мельников. Ну, а вы чего смотрите, молодежь?
 Алексеев. Он что-то про оборону говорил, заказывал заводичку на оборону. На курсы нам администраторы час давали, так нам теперь этого часу жалко.
 Мельников. Ну, а вы чего смотрите, молодежь?
 Алексеев. Что ты, Василий Егорыч, смеешься что ли? Кто нас попустит?
 Мельников. Ну стало быть так вам и надо. Стало быть правильно поступи.
 Алексеев. Обидно от тебя, Василий Егорыч, слышать.
 Мельников. А чего обидаться? Кто кого сможет, тот того и гложет. Это такая пословица есть.
 Мельников. Я тоже поистинно знаю: «Не да шток рыбка, когда крошечку под жабло хватать».
 Мельников. А ты не жди, пока крошечку зацепит. Величкин—он что? Он за это жалование полагает из хозяина; так что ему про оборону не говори. А ты свой взгляд имей. Небось не один, организованное мнение скажи; чем вечером в парк ходить да семечки дугать, митинг собери. Половину разговорят, а другую попустят. Небось слышал про союз молодежи?
 Алексеев. Слышал, да только не знаю, где он.
 Мельников. А ты узнай.
 Алексеев. Стой, Василий Егорыч, я один так союз знаю, это где у меня мать в прислугах, там ученики собираются, говорят, книжки читают, социальсти. Только у них наверное свои вопросы. Страсть не люблю, которые с гербами. Я их до свободы не мало покарал.
 Мельников. А ты сходи, может найдешь чему. Знаний у них не отнимешь.
 (Подбегает Лешка).
 Лешка. Саша, там гимназисты пришли!
 «Кто—говорят,—у нас из молодежи главный? Хотят о союзе поговорить. Подем (тает его. Полушопотом). А барышня-то какая... симпатичная...»
 (Алексеев колеблется).
 Мельников. Ступай, ступай. Я тут тебе пока резцы заточу. А ты ступай (Алексеев вытирает руки, уходит с Ленкой).
 Сарванский. Настало время, Саша, нам соединиться в единую организацию молодежи по примеру западноевропейского юношества. Наш кружок существует уже с полгода, в него ходит только те ученики, которые признают себя интернационалистами. Мы поставили себе задачей: по примеру заграничной молодежи отстаивать интересы юношества и прежде всего вести решительную борьбу против войны. Мы пришли, помоги нам.
 Алексеев. Выху.
 Сарванский (покровительственно). Ты парень, что надо. Возьмись, а мы поможем.
 Чуть слышно.
 Сарванский. Вот тебе брошюрка и журнал, ведь ты небось... грамотный?
 Алексеев. Немного понимаю.

Комсомол ушел на фронт. В райкоме остались ребята моиме 15 лет, которых на фронт не брали

Сарванский. А кто у вас еще есть... из молодежи? (Отходит с Алексеевым в сторону).
 (Пронсходит немая сцена между Лешкой и Соней. Они смущенно осматривают друг друга. Лешка убирает руки, попеременно меняет ногу, вытирает руки платком, старается прикрыть часть продранной одежки).
 Лешка (после долгого молчания). А у нас тут яма большая есть... (Соня возмущенно смотрит на него). Там, у ворот, не видел?
 Соня. Нет.
 Лешка. Такая большая яма, разве не видели?
 Соня. Нет. А скажите, это какой цех?
 Лешка. Это ремонтный.
 Соня. Там шумно.
 Лешка. Очень шумно. (Молчание). Когда будете обратно итти, вы меня с собой возьмите, я вас другой дорогой проведу, так чище и ям нету. А вы как... тоже из сонма будете или с товарищем?
 Соня. Я член союза.
 Лешка. Вы больше к нам не придете?
 Соня. Еде придет. А там какой цех?
 Лешка. Сорочный.
 Соня. А что это несует?
 Лешка. Где?
 Соня. Вон, что-то похоже на огромную лупку.
 Лешка. Это крошיתי. Если вы по голове гдаришь, враг жизни идишьи. Одного рабочего у нас недавно раскрошил.
 Соня. Как же это?
 Лешка. Подсидел его, а он спрыгнул, наверх одной девушкой отца убило. Вот оно идет, Паней аэуст.
 Соня (изумленно). Да что вы говорите? (С сочувствием рассматривает Панича).
 Алексеев (подходит). Леша, бегите по цехам, собирайте ребят. Сейчас митинг организуем.
 Лешка (с готовностью). Сейчас, митом (к Соня). Извините. (Хватает Панича за руку, убегают).
 Соня (Сарванскому). Какой милый парень. Ну прямо Ванька Жукос из Чехова.
 Сарванский (тихо). Остать эти сравнения, надо выразить проше (к Алексееву). Ну, значит заложен фундамент, Саша, так? Будем значит вместе бороться. Дай руку. (Саша подает руку).
 (Завес).

4-я картина.

Застава.

Двор с явками забором, в некоторых местах проломанным, на втором плане видна улица, перегороженная баррикадой. Слышна отдаленная оружейная перестрелка. У кюстра — двое вооруженных рабочих, Мельников, Панич, Алексеев и Лешка. Все сидят муром. Мельников стоит, затем направляется к Лешке, молча

ТРИ ТЕЗИСА

«Выделить самые решительные элементы наших ударников и рабочую молодежь, а равно лучших матросов и небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их во всех важнейших операциях».

Это писал Ленин накануне Октябрьского переворота в своем письме в Центральный комитет большевистской партии. Подготавливаясь революционно выступление, и нулды были ударники восстания. И в первые шеренги боевых колонн Ленин приказывает поставить:

«... Самые решительные элементы наших ударников и рабочую молодежь».

Октябрьские дни занесены в боевой служебный список комсомола. Комсомол? В те дни, собственно говоря, слово «комсомол» еще никому не произносили и не могло произойти. Намечались лишь очертания этого слова.

Комсомол это значит—коммунистический союз молодежи. Тогда были просто отдельные и разрозненные организации рабочей молодежи. Назывались они по-разному. Была в Питере организация «Труд и свет». Была организация «Социалистический союз рабочей молодежи». Был и союз рабочей молодежи «III интернационал».

Буржуазия пыталась воспользоваться слабостью и разрозненностью молодежных организаций, чтобы использовать движение рабочей молодежи в своих интересах. Молодежи пыталась принять «патриотизм», внедрить в их ряды необходимость защиты «отечества» и «блуждания до победного конца». Буржуазия толкала организацию рабочей молодежи на путь «культурничества», отвлекая ее от активного участия в классовой борьбе.

На VI съезде партии большевиков специально обсуждался вопрос о работе среди молодежи, вопрос о союзах молодежи.

Съезд решительно высказался за организацию

союзов рабочей молодежи. Эти организации с самого начала своей работы должны иметь социалистический характер. Они должны примыкать к Интернационалу молодежи.

Союзы рабочей молодежи должны работать и идти в ногу с партией большевиков.

Партийный съезд обязал все организации партии активно вести работу среди рабочей молодежи, организованной ее на борьбу за классовые интересы пролетариата.

В резолюции съезда решительно сказано: «1) В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает целесообразным создание классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделять этой работе максимум внимания.»

Решения съезда имели огромное значение для развития движения рабочей молодежи.

Союзы рабочей молодежи стали расти и организационно крепнуть. Рабочая молодежь сплотилась вокруг лозунгов партии и активно боролась за Октябрьскую революцию.

Первый год диктатуры пролетариата рабочая молодежь использовала на самоорганизацию. Отдельные разрозненные группы нужно было сплести в боевые организационные отряды. Небольшие отряды объединить в организацию. Организацию сплотить под революционными лозунгами и большевистским знаменем. Отдельные организации объединить во всероссийском масштабе. Разработать программу и выработать устав. Работа неслезная. Горячая работа, завывавшая целый год.

4 ноября 1918 г. в Москве собрался представительный съезд рабочей и крестьянской молодежи на всероссийский съезд.

Сто семьдесят шесть делегатов... От двадцати тысяч организационных молодых рабочих и крестьян.

Съезд собрался за три дня до первой годовщины Октябрьской революции. Съезд как бы подводил итоги годовой работы организованной революционной молодежи. Сделано много—выросло и окрепло движение рабочей и крестьянской молодежи, создан костяк организации. Сформировались активы, надулены формы и методы работы. Нужно уже серьезно думать о развороте работы. О программе союза. О названии. О включении десятков тысяч в союз. Разрозненность привести к единству.

Название—это не такое уж простое дело. А программа союза—это уже совсем сложное дело. Разные были по этому поводу соображения и предложения.

Были и сектантские настроения—за узкую, замкнутую организацию молодежи. В Питере на социалистическом союзе молодежи выделялась небольшая группа—человек семь. Она предложила ликвидировать союз как массовую организацию рабочей молодежи. И создать новую—коммунистический союз рабочей молодежи. Все без только в том, что этот новый союз они предлагали составить из одних-единственных активистов. Группа этих активистов выбросила тогда лозунг:

«Шестидеять тысяч являются тормозом для активных работников».

«Не нужно выбирать руководящие органы общим голосованием, а подбирать таких товарищей на основе личного знакомства».

«Революционеры могут быть только мыслителями».

«Создавайте сознательные замкнутые волевые коммуны».

Надверные мыслители эти толкали рабочую молодежь на ошибочный и опасный путь сектантских, узких, заговорнических организаций. Толкали на путь отрыва от рабочих масс. Встретили они поддержку? Нет! Их никто не поддержал. Путь лежал совсем в другой стороне от линии, начертанной этими «мыслителями».

Президиум I-го всероссийского съезда молодежи в Москве в 1918 г.

длинным мыслительями. Путь шёл к массам и через массы.

Программы написанной, проекта программы съезду предложено не было. Были только отдельные тезисы, которые должны были лечь в основу программы. Было предложение союза назвать российским коммунистическим союзом молодежи.

Споры после докладов поднялись горячие и шумные. Сосредоточились они не столько даже на программе, сколько на вопросе о названии союза. Первым на трибуне появился делегат Арип.

— Если многие из делегатов и не возражают открыто против названия «коммунистический», то все же в их душе живёт боязнь, что это название оттолкнет от нас массы...

Принимая открыто название «коммунистического союза», мы отталкиваем сознательных наших противников. Они ведь будут на лишь мешать в предстоящей борьбе, и мы поступим только благоуханно, исключив их заранее из нашей среды.

Арип не боится, а вот товарищ Петкевич из Воронежка принадлежит к «робкому десятку», и он очень и очень боится «осложнений». Он категорически против названия союза—«коммунистический». Он предлагает оставить старое, привычное, мод, название «III интернационал».

Товарищи — горно восклицает он, — призывают нас глядеть впрямь прямо в глаза. Фразой не подвинуть нашей работы, а нам предстоит трудная борьба, особенно в среде крестьянства.

И он рассказывает съезду о трудностях работы в деревне. Он утверждает, что крестьяне «не понимают настоящего положения», он говорит, что крестьяне «еще далеки от момента, когда в их среде можно будет работать под вывеской коммунизма».

Петкевич считает, что название—это вывеска, и так как народ уже привык к старой вывеске, то новую вешать—это только отучить и отталкивать народ от себя. И он спрашивает съезду: — Зачем нам обращать такое внимание на внешнюю сторону союза? Не лучше ли было бы смотреть глубже. Мы должны стремиться привить свои идеи путем не только показательной

работы. Наши поступки, агитация, работа—вот что должно служить нашей вывеской. Значит же коммунизма каждый из нас должен носить в сердце!»

Прозвонгласно это гордое изречение, Петкевич опять начинает рисовать ужасы, ужасы отхода масс от союза. Особенно он боится, оказывается, отхода от союза «старой молодежи».

Среди этой молодежи работать очень трудно. Воронежцы применяли самые разнообразные методы для привлечения новых членов в союз. — Мы сделали,—сообщает Петкевич съезду,— даже такую секцию, как танцевальную, единственно с этой целью. На приходивших к нам потанцовывать и только потанцовывать мы обращали особое внимание, и часто среди них находились деятельные работники, могущие во многом помочь нашему союзу. Если же мы примем название «коммунистический союз», подобное агитационное средство потеряет свой смысл, и привлечение новых членов станет гораздо труднее...

Сейчас странно слушать подобного рода опровержения. И такого рода методы привлечения молодежи в союз для нашего времени более чем странны. Но в те дни приходилось использовать и эти формы работы, чтобы водить молодежь в свой круг и, перевоспитав ее, вложить в союз.

Петкевич отвечал Оскар Ривкин. Он заявил — и съезд его поддержал аполлодисементами,—что «мы хотим носить не только в сердце, но и открыто название коммунистов». В Петрограде,—отбывает он,—все новые организации приняли название коммунистических, и если бы пришлось их снова организовывать, они своего названия не изменили бы—все остальные названия устарели.

Не только Питер, но и Москва провела уже переименование своих организаций. И по переименованию «танцевалькам» удариет делегат Московский Новиков.

— Почему Москва,—спрашивает он,—почему Петербург говорят о коммунистических союзах молодежи? Потому,—сам же отвечает он на свой вопрос,—что столичная молодежь усвоила идеи коммунизма. Я скажу: «Юлой танцевальки, пусть будет названа политическая работа,

и тогда все скажут: «Да здравствует коммунистический союз молодежи!»

Одна делегат смеет возражать. Споры идут долго. Споры горячие и бурные. Пора однако приступить к вынесению решений. На голосование ставится три тезиса, которые будут положены в основу программы союза.

Первый тезис принимается единогласно, лишь два делегата воздержались. Вот этот первый тезис:

«Союз солидарен с российской коммунистической партией (большевиков). Союз ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России. Становится на голосование второй тезис: «Союз является независимой организацией. И этот тезис принимается единогласно.

И наконец последний, третий тезис: «Союз называется — Российский коммунистический союз молодежи».

Вокруг этого тезиса шла на съезде особая горячая споры. И тезис этот принимается уже не единогласно, как первые два тезиса, а лишь подавляющим большинством. Против переименования союза голосуют шесть делегатов и семнадцать воздерживаются.

Три тезиса приняты. Это—основные вехи программы коммунистического союза.

Но программу на основе этих тезисов выработать удалось не скоро. Годы были военные. Комсомол вместе с партией, вместе с рабочим классом находился под ружьем, был на фронтах. Штукмол трудно писать программу союза. Штукмол хорошо защищать социалистическое отечество, и комсомол вносил много героических страниц в историю гражданской войны. Три мобилизации провёл комсомол на фронте: на Колчака—апрель девятнадцатого года, на Деникина—октябрь девятнадцатого года, на польских пилотов—лето двадцатого года.

В октябре двадцатого года трехсоттысячный комсомол собрался на III Съезд возмужавшим, закаленным, организованным. И III Съезд принял наконец программу. Первую программу комсомола, три основных тезиса которой были утверждены несколько лет назад—в ноябре восемнадцатого.

«Мы должны воспитывать членов партии, комсомол, мы должны поднимать новые и новые слои рабочего класса, воспитывая их на изучении истории нашей большевистской партии. Нет лучшего опыта, нет лучшего орудия воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, чем история нашей партии» (НАГАНОВИЧ)

Смотр мобилизованных на Семеновском плацу в Петербурге в 1918г.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

(Литературный монтаж о первых днях комсомола Москвы)

«След считает необходимым, чтобы партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи (из резолюции VI съезда РСДРП(б)).»

В ЗАМОСКВЕНЧЬЕМ ОРГАНИЗУЕТСЯ ПЕРВЫЙ СОЮЗ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ «Ш ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ».

«В июне месяце 1917 г. замоскворечья организация была уже оформлена, а все введено поустороннему плану человека. Союз развертывает большую политическую работу среди рабочей молодежи и ведет борьбу с буржуазными и меньшевистскими кружками. В июне был избран первый комитет замоскворечья союза. Цуканов (секретарь), Пещеров, Делюсин, Андреев, Шаохин. Таким образом кружка рабочей молодежи под руководством партии была объединена в революционный союз, который стоял на платформе III интернационала. Так возник замоскворечья союз рабочей молодежи «Ш Интернационала» (Изушкин, «Воспоминания»).

«Еще по приезде на Питера у меня возникла мысль об организации молодежи. Как-то за работой я рассказывал ребятам, что в Питере существуют молодежные организации и что нам не мешало бы создать у себя на фабрике такую же организацию, объединить в ней всю молодежь. Мысль понравилась всем, но все же еще слабо представляли, а что же эта организация будет делать? Решили поговорить с партийцами.

Июля выдвинул нам члена бюро т. Короткая. Вечером пошел в райком. Кор-Ваткин подробно рассказывал нам обо всем. На следующий день собрали всю фабричную молодежь, пришло несколько сот человек.

Большим вопросом являлся вопрос о руководстве чечкой. Мы уже сознавали, что собираем десятки, — а их уже было больше введется, — ни одного вопроса как следует не решали. Надо было создать какой-то орган, который намечал бы вопросы, прорабатывал их, а потом уж выносил на обсуждение. Долго спорили и наконец решили, что надо из состава десятков выбрать группу ребят. Такая группа — бюро — была создана из пяти человек. Она являлась уже руководящим органом чечки; со временем собрание, устраиваясь в десятках, ходило в райком. Бюро впервые поставило вопрос о представительстве в фаб-

комте для защиты интересов молодежи. Обсудили мы вопрос обстоятельно и приняли единогласно» (П. Делюсин, «На все сто»).

ЗА ЗАМОСКВЕНЧЬЕМ ИДЕТ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ «Ш ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ ПРИ МК РСДРП(б), НА ПРЕСНЕ, В ХАМОВНИКАХ И ДР. РАЙОНАХ.

«В мае месяце 1917 г. группа большевиков, главным образом из учащихся молодежи, организовала при МК РСДРП(б) узкий полупартийный союз. Этот союз помог Московскому комитету в разветвлении политической работы, он помогал Московскому комитету в выполнении технической работы. Он сыграл немалую роль в организации некоторых районов (И. Изушкин, «Воспоминания»).

«Особенной горделивостью, энтузиазмом отличалось открытие первого клуба союза молодежи в помещении на Цветном бульваре. Это было веселое, радостное время содержательной творческой работы.

Не могу не вспомнить тех взрослых товарищей, которые оказали нам неоценимые услуги в торжестве и содержательности открытия. Это — Леонтий Коткин, прокламировавший «Буревестник», портовая Петров, прокламировавший «Сани-Муси», Стефанов из городского района, сказавшая что-то интересное для нас, и наконец Н. Богоявленский, безумно любивший молодежь, сам еще тоже молодой, редкий, остроумный, выступивший с веселой речью о значении пролетарской культуры (Зверев, «Воспоминания»).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ «СОЮЗ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ «Ш ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ» ГОТОВИТСЯ К ПЕРВОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, РАЗВЕРТЫВАЯ БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ РАБОТУ В МАСАХ.

«В это время широкое интернациональное бюро присылает письмо, где призывает московскую организацию организовать демонстрацию против войны. Письмо несколько запоздало. Оно пришло в конце сентября. Тем не менее организационный комитет посылает ответ на это письмо и разветвляет большую политическую кампанию по подготовке к молодежной демонстрации, которую намечено бы-

ло провести в октябре месяце» (Н. Изушкин, «Воспоминания»).

«Около 6—7 часов вечера 17 октября 1917 г. на Девичьем поле, в доме № 6, где помещались студентские столовые — проводилось собрание хамовнического союза молодежи.

Маленькая коммунка столовой, туго набитая ребятами, казалась еще тесней от перелетавших и в густой туче знакомых голосов. Входа в комнату, ребята радостно здоровались и сейчас же влетали в общий разговор. А поговорить было в чем: каждый день выдвигались новые и новые вопросы. Только что опубликованный журнал «Интернационал молодежи», в который вчитывались ребята, статьи «Социал-демократы» — боевая газета большевиков — дают толчок новым разговорам. Теснота была коммунка для больших разговоров.

Собрание открыто. Все внимание — председателю столу. Быстро избран председатель. Состоит два вопроса — Володе Галеяко.

Надо сказать, что Володя был одним из самых нежных агитаторов: он часто выступал на фабриках, в казармах. Говорил он красочно и убедительно и сразу приковывал к себе внимание аудитории.

В своем докладе он нарисовал картину тяжелой работы западных товарищей; рассказал о войнах, где гибнут миллионы молодежи; рассказал о бернской конференции, проводившейся дозвучи против войны и угнетения.

— Пусть же наша демонстрация, идущая в ногу с западными товарищами, будет мощным голосом борьбы против войны и сигналам к мировой революции — закончил Галеяко» (А. Афонин, «Боевые дни»).

«8 октября 1917 г. в помещении бывшего царского университета Николаевской ж. д. созвана была первая московская городская конференция.

На конференции присутствовали кроме всех районов Москвы представители от трех уездов: Орехово-Зуевского, Дмитровского, Богородского. Таким образом на конференции вместе с этими тремя уездами было представлено около 5 тысяч человек. Повестка дня первой городской конференции, прочитанная председателем организационного комитета, 2. Устав, 3. Текущий момент, 4. Демонстрация молодежи, 5. Выборы в Московский комитет союза.

Надо сказать, что на конференции больше всего и главным образом развернулись очень оживленные прения вокруг вопроса об уставе нашего союза. По вопросу об уставе союза были две точки зрения: первая — устав должен была да-то, чтобы организовать узкий, чисто партийный союз по типу того союза, который существовал при МК РСДРП(б).

Вторая точка зрения была та, что, чтобы руководствуясь решением VI съезда партии, организовать массовый союз, который фактически был уже организован.

Приняв вторую точку зрения — о массовом союзе, который должен бороться за революционные большевистские лозунги, за Третий интернационал.

Таким образом на первой московской городской конференции в основу устава были положены уставы Замоскворечья и Пресни. Отчет конференции резко отмежевался от анархистов и потребовало от союза борьбы с ними. (И. Изушкин, «Воспоминания»).

ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПЕРВОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ 15 ОКТЯБРЯ 1917 Г. В МОСКВЕ УСТРАИВАЕТСЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ—ПЕРВЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ.

«Привал к демонстрации на фабриках и заводах был встречен с большим воодушевлением и большим политическим подъемом. Сразу развернулась широкая подготовка. И эта молодежь в Москве прошла исключительно хорошо. Она отдала революционной подготовке рабочих и показала огромную силу

Первый стрелковый отряд комсомола Красной Пресни в Москве в сентябре 1918 г.

Отряд МК комсомола перед отправкой на красный фронт в 1921 году

нашей организации, которая к тому времени уже значительно организационно окрепла.

Огромное значение этой демонстрации, происходившей накануне революции, заключалось в том, что на этой демонстрации впервые после июльских дней наш союз открыто вышел с лозунгами на улицы, в которых требовал вооруженной борьбы за власть советов» (Н. Исаушкин, «Воспоминания»).

«Многолюдной, стройной колонией, окруженные взрослыми рабочими, партиями, которые с любовью окружали нас, с песнями мы двинулись к центру.

Песни не смолкли. Пелись они с каким-то особым злором, вызвавшим наш уважку или в большинстве случаев выкрики со стороны «старорежимных господ».

У Пречестских ворот донесся слух, что вперед демонстрацию ожидают казак. Настроение повысилось еще больше. Казак не оказался. Зато на всем пути нас встречало злоключением офицерство. Так мы дошли до Красной площади. Многие ребята уже были там. Все площади пылала знаменами, лозунгами.

«Трениште тираны! Юный пролетарий восстал против волею», «Долой войну», «Война волею», «Протестем против лишения прав лосования 18- и 19-летия», «Пролетарская молодежь всех стран, соединяйся», «Да здравствует III интернационал», «Мир химикам, война дворцам», «Долой министров-капиталистов», «Вся власть советам!».

Митинг прошел с необычайным подъемом. Речи т. Сидюнина, Афанасьева и других показали, что молодежь полна решимости к бою с буржуазией.

В подтверждение своих слов молодежь вынесла резолюцию-наказ I всероссийскому съезду: «Взять власть в свои руки. Переименовать все фронты». Заключена всеобщего мира».

С песнями демонстранты расходились по своим районам.

Так прошел первый июльский день, ставший предвестником Октябрьского восстания» (А. Афонин «Боевые дни»).

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ВЫСТУПИЛА НА БАРИКАДАХ МОСКВЫ.

«25 октября я, как и всегда, пришел на завод обрабатывать свой рабочий день. Не успел и станика пустить в ход, как получаю извещение—явиться в районный комитет. Комитет дал назначение—работать по связи. Весь день мне пришлось быть в совете и нести службу связи как с нашим пресненским райкомом, так и с Кремлем, который пока был в наших руках.

26 октября, организовыв отряд из 10 человек, мы двинулись на Поварскую. Боевое задание: выжить белогабардские заставы.

Только мы выступили на улицу, как моментально были обстреляны юнкерами со всех сторон. Пули со свистом летели мимо нас, но угадать, откуда стреляют, сразу было нельзя. Решили обходить каждый дом.

Наша неопытность сорвалась неудача: как только мы появлялись у дома, белые исчезали через задние ходы и неизвестные нам проходы. Наконец в угнетение всем захватываем одного и, обезоружив, отправляем в штаб (В. Любимов, «Воспоминания красногвардейца»).

«По всей Красной Пресне, от заставы до Зоологического сада, тянулась цепь красногвардейцев, состоявшая исключительно из членов союза молодежи; тут был и Сергей Яковлев, гордый своим участием в борьбе, и Шура Соколов, совсем на вид еще ребенок. Виднелось энергичное лицо Устинова, были Блохин, Крушинский и много других. Все они пришли отдать свои силы делу революции. Многие из них погибли позднее на фронтах, оставшись верными идее рабочего класса» (А. Литвяк, «Лицом к лицу»).

«У нас хотя и было орудие, но снарядов было очень мало. Патронов также. Их приходило доставлять из хамовнических казарм, переноси на ложах. Несколько раз с большими усилиями пришлось нам проделывать этот рейс. С подвозом патронов дела пошли успеш-

нее и скоро мы добрались до Каменного моста, где у белых была батарея орудий. Главнейший неприятельский пункт теперь был Кремль. Через некоторое время мы перешли Каменный мост и пошли в наступление, направившись через Александровский сад к самым приближенным рабочим в Боровицким воротам. К вечеру Кремль был взят. Из всех районов шли вести о победе» (И. Савин, «Пропанганд»).

«... Но вот что-то теплое потекло по телу. Мой последний выстрел, и я не могу держать винтовки. Все сминивается в глазах. Пробую кричать, но за грохотом выстрелов меня не слышат. Поднимаюсь... Опять падаю... Ко мне подбегают наши красные сестры из союза Рыбакова и Богачова и уже потерявшего сознание доставляют в госпиталь.

На другой день, глядя в сознание, вижу подле себя знакомые лица отрядчиков—Воробьева, Блохина, спрашиваю:

— Сдалась винтовка?
— Да. Власть принадлежит нам» (В. Любимов, «Воспоминания красногвардейца»).

«Ленинский комсомол был и остается мозгом резервом нашей революции. Десятки и сотни тысяч наших представителей молодого рабочего-крестьянского поколения воспитались в рядах комсомола, получили революционный задан и вступили в нашу партию, в наши советы, в наши профсоюзы, в нашу Красную армию, нашу Красный флот, нашу кооперацию, наши культурные организации — на смену старой гвардии большевиков».

Комсомолу удалось эта трудная задача потому, что он вел свою работу под руководством партии, он умел сочетать в своей деятельности учебу вообще, Ленинскую учебу в особенности с повседневной работой, он умел воспитывать молодое поколение рабочих и работников, крестьян и крестьянок в духе интернационализма, он умел выжить общий язык между старыми и молодыми ленинцами, между старой и молодой гвардией, он умел подчинить всю свою работу интересам диктатуры пролетариата и победы социалистического строительства. Только поэтому удалось комсомолу держать высоко знамя Ленина (И. Сталин).

ВСЕСОЮЗНАЯ ОЛИМПИАДА

Фото: Игнатович, Розенбаум и Сокофато

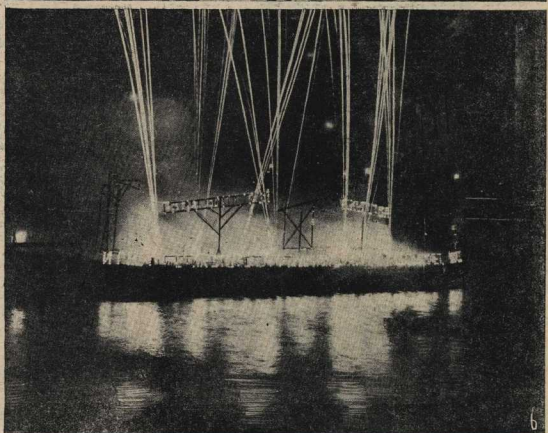
1. Тов. Шверник приветствует участников олимпиады 2. На открытии присутствовал т. Наганович 3. Выступление магнитогорского трама

..Огромная площадь Смички... Исподволь зрительный зал под небом... Уходящие солнечные лучи. Прорезав напряженную тишь, задела фанфары... Взвизгивает огромная флаг. Всесоюзная олимпиада самодельного искусства открыта. Так в приподнятой и чуть торжественной обстановке 6 августа в 8 час. вечера начинается митинг, посвященный олимпиаде. Микрофон разнесет слова приветствия. Тов. Боярского сменяет на трибуне т. Шверник.

— Олимпиада имеет огромное политическое значение. Мы не только строим индустриальные и сельскохозяйственные гиганты, мы поднимаем культуру и творчество масс, мы совершаем огромную по

размаху культурную революцию... ..Парад участников олимпиады. Чуть колышутся по ветру знамена. Идет Москва в сиянии строгой прозодежды. Идут, подняв вверх кларнеты, мандолины, домры, белоснежные девиградлы. Вот проходит китайский Трам, мелькают синие рубашки бакинской пионерской агитбригады «Юстер».

САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

4. Объединенный хор олимпиады

Долго длится это течение, пламенеющее флагами, несущее, как змеи, свои песни, музыку, свое слово на национальную по форме и пролетарскую по содержанию культуру. Прошла Украина, стройно продефилировав северокавказцы, белоруссы, узбеки.

Только окончился парад участ-

5. В. Мейерхольд выступил с речью от имени работников искусства

ников, начались театральные представления. Ныря из мрака (площадь уже была плотно окутана сумерками), несутся по астраде автомобили с ирожденными актерами, ловко гарцуют вездники из Госцирка.

Программа велика и обаятельна. Выступают: княжеская кавальера,

6. Перед закрытием олимпиады в Москва-рене устроили грандиозный фейерверк

пермичский хор, ансамбль полтавских кобзарей, узбекские агитбригады. На подмостках разворачивают свое искусство лучшие из театральных кружков Москвы, Ленинграда, Украины.

О работе олимпиады читайте очерк в следующем номере «Смена».

П Е Р В О Е

Отрывок из ли

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ — поэма о новом поколении комсомольцев — основа основных героев поэмы: Миши Баунова, Антона Антоныча.

Эти герои поэмы являются носителями «неодолимой» радости жизни, насыщенные самыми разнообразными порывами и силой. Но это герои не чужды и гуманизма.

«Так хорошо стоять мне в шестом полете у станка» — это труд стал «делом чести и доблести и героизма» и которая яв-

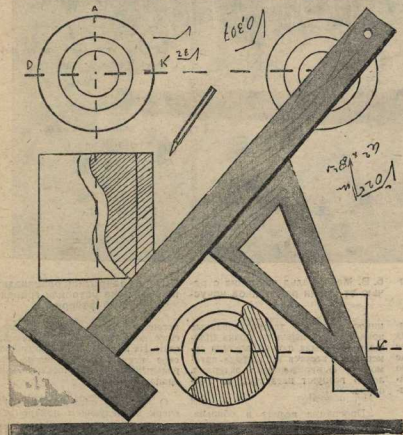
Вот это положение рабочего на социалистическом производстве — духом силы героя. Эта сила проявляется во всем, она парит и он на крыльях мечты о «Дне» или отдался прошлому своему детства, или болел острой тоской от того, что отлик героя. Каким бы страсти ни обуявал героя, они его ступают большевика.

В бинда шам номере «Смены» будет напечатана статья,

Я был влюблен
С той лопатной силой,
С той страшной силой
В тридцать три нуля.
Еще таких
Влюбленных
Не носила
И никогда
Не выжила земля.
Никто еще —
Ни конный
И ни пеший —
Так не любил.
Я не жалею трудов —
Готов я был
Выхватывать
Древеси
Из разваренных
Проводов.
Готов я был
Ити
Вплоть до ристрела
Чтоб только мне
Не расставаться
С ней.
Любовь моя
В меня
Метала стрелы,
Их из квадратных
Выдернул корней,
Она меня с постели
Подняла...
Мгла
Выворачивает штаны,
А я всю ночь
С трудом
Мало-помалу
Влезая
В Пифагоровы штаны.
Сначала на меня они
Не лезут...
Чего бояться?
Я же вас не с'ем,
Но вдруг
Своим зажаренным железом
Ночь
Расскажет
Тело теорем...
Блестит,
Наматывая
Километры,
Кудри думь.
Кто с циркульной иглой
Так о быки

Крутые
Геометра
Мог комсомольской
Биться головой!
Но ничего,
Что сон свой
Рвал я в ключья...
Антон Антоныч,
Это — ерунда...
Приставь-ка ухо,
Сам слышишь...
Там клокочет.
— Клокочет?
Сам слышишь...
Это верно...
И-и-и...
Но оного, брат,
Клокотанья
Мало...
Клокочем мы,
Нас целый батальон.
Ты клокочи...
Но помни дело,
Малыш.
— Антон Антоныч,
Сам слышишь,
Я влюблен...
Влюблен по гроб...
Живу,
Как освиденный...
— В кого же,
Славу,
Вторглась, щенок?
— Ну да,
В него —
В тот самый,
В нерожденный
Из чертежей
Баснувший мне станов...

Друзья мои,
Ревесники,
Ребята,
Рулит пролет,
Резен грезет
Металла...
Я — член берет
Ударник
И оратор.
Не знаю, можно ли,
Но я — мечта...
Ах, Баунов,

ПОКОЛЕНИЕ

рической поэмы

молда, которое совсем не помнит капиталистического гнета. Антони-ца, Носача и Вали—это образы, покоряющие прежде

сти жизни—радости социалистического труда. страстями: любовью и злобой, восторгом и гневом, весельем и сном.

может сказать только наша рабочая молодежь, для которой лютая хозяйном своего производства.

водстве—положение хозяйина—является величайшим истинно-настойчивою проходит через всю характеристику Базума. стам молодой любви, вспоминает ли он драматическое про- завод оказался в полосе прорыва,—она всюду дает цельный не разламывают надево, а наоборот—составляют черты ри-

детально анализирующая новую поэму Д. Алтауэна.

Ах ты, мечтатель шальной,
Друзья мои,
Пусть страх вас
Не берет...
Мечта моя
Работать
Не мешала.
Она, как кнут,
Гнала меня вперед.
Мою мечту
Во все насысы света
Не высказывот
У меня из глаз...
Она липа—
Мечта моя,
Комета...
Она хвостом
Разширится за нас...
Пусть говорят,
Что я немного выжила.
Мечтаю, мол,
О дупинке в венке,
О соловьях...
А я мечтал
О «дипте»,
О новом нашем
Будущем станке...
Он снится мне...
Меня душила радость.
О, как я пальцы
Скручивал
В комок.
Казалось мне,
Что все цвета
У радуги
Я в этот миг,
Как перья, вырвать мог.
«Дипт» снится мне...
Мечта летит
Со сходен.
Он не чертеж—
Ветвистый.
Как тогда.
Он жив...
Он здесь...
Он на Каужской сходит
С конвейера
Упорства и труда...
Я из груди
Сейчас два сердца выну
И дам ему,
Чтоб лез он
Прямо в бой...
Горит земля,

Облетая
Безином...
Станок мой,
Самышш,
Дело за тобой...
Все лошади
Всех стран
Влетела дымом...
Трильон машинных
Лошадных сил...
Но наш завод
По нам ударя
«Дипом»,
Стокнул их лбами
И перебесна...
Он выбил им
Из рта,
Как из траншеи,
Большие зубы...
Сталь стрянула
С компыт...
Они дрожат...
Что может быть страшнее
Ножа,
Который
Всех их оккупит?!
Газ стр «ден им
Своею черной
Рисою...
Он есть у нас...
Он их готов пропить...
Он лордов мочет
С негритинской
Расой
По цвету кожи
Сразу урвется.
Им страшен динамит—
Он подальше к ним
Льдиной...
Из здоровитых
Их динезт
Широт...
И праздничной
Цилинд
Болдуна
По знаку пальца нашего
Звонет...
Все время на штыках у нас
Обдуло.
Так знай,
Что штык,
Отточенный
В труде,
Что пушки,

В плечи тягивая дула,
Давно висок твой
Стерегут,
Тарье.
Но им страшнее
Газовых баллонов
И пуля,
По шляпки
Всаженных во бмы,
Страшнее
Разгнанных баллоно
Мертвир,
От востки оставших на дыбы,
Страшнее
Разржженной в грудь обоямы,
Страшей,
Чем с Тезмы
Хамнувший потом,
Он,
Из орудий
Самый дальнотбойный,—
Наш новенький,
Токарный наш станок...
Его ведет
Сивозь вольтовые дуги
Из мозговых
Ивилини
Чертежей,
Ведет завод наш,
Подтянув подруги,
Напрудив мышцы
Наших рук
И шей,
И про него,
Про наш станок,
Усымья,
Со всех сторон
Земля подметет зевон...
Над Индиями
Ветром
Заколышет
В крови пространный
Ожашней шелк
Знамен,
И пини красные
Зажженного Китая
Поднимут
На всех своих чертей
И скрутят их,
В последний раз княдя
Сразмаю
Головою
О Чапел...
И ветры,
Не доел спон дешениш,
Собравшись
На последний
Личев суд,
Головы спон,
Как головиниш,
К Соединенным штатам
Поднесут...
Скоро, скоро,
Над землей зеленой
Стаями
Свободными
Орят
Шелковые
Красные знамена
Через кости Аля
Передают.
Червика
Ничто в них не заморит,
До восхода солнца
Подождут,
И, хвостами
Опускаясь в море,
С четырех сторон
Мир подожгут.

РАБОЧИЙ

ОТДЫХ

Ворвалась в уши предрассветный шум,
Задыхалась день травяными знон-ками.

Трусы пишу,
плещу водой, спешу —
лечу, стучу
Полошавми
о камни.
Богат я радостью сегодня,
Хоть убей!
Назад до завтра
я не вернусь на койку.
Сорвалась с мачты
пачка голузей
и разлеталась синими осколками...
(Я слышала:
в ночь
точился дождь о крышу
за каплей капля सुरорожно билась,
слезилось небо...)
«Голуби все выше —
сейчас оно совсем оголудилось!
Бежит трамвай, лучам рукоцепца,
и я вскопши на пыльную подножку,
а вещи разные так радостно
пищат...
Да, выдался денек
пригожий да хороший!
Смирив
свою навалженую качку,
трамвай
врезается в зеленую траву.
Я на своих двоих
качу на дачу,
сорвав цветочек пленкий во рву.
Отмерив километра два,
я к пристани назначенной
причалила.
Меня
веселая заводская братва
встречает, угощая
чаем.
Футбольный мяч,
качели,
турники.
Плечистая здоровая компания!
Бери в об'ятия волнистый стан реки,
до вечера
качине в купание!
Склонилось с небосклана солнце.
Не увидишь одна
вдали река.
Из сердца моего,
как голузь из окошка,
вымархивает
лирика.

Москва, завод им. Сталина (б. Ам.)

БОЕВЫЕ

Первый мой встреча с рабочими подростками завода «Нобель» была на баррикадах. Мы встретились на баррикадах в Выборском районе в 1914 г. на углу Языкова пер. и Глоинской ул.

Перед самым объявлением войны в 1914 г. партия большевиков призывает к свержению царского правительства. Рабочий класс откликнулся на этот призыв. Славный Выборгский район первым откликнулся на зов большевистской партии. Появились баррикады. Рабочие-большевики руководили забастовкой. Было известно, что на заводе Лесснера есть казачья Молодежь опорочивавшая воюя, телега, ишла два телеграфные столбы и строила баррикады.

Был жаркий день. В Языковом переулке есть пруд. Сейчас этот пруд высох. Пошли мы купаться. Фароши стали сидеть за нами. Не успели мы раздеться, как казаки окружили пруд и стали бросать камнями. Они заставили вылезти из пруда, одного подростка с завода «Нобель» они выстегали.

Вторая моя встреча с нобельскими рабочими была следующая. Я стоял во главе выборгского комитета молодежи, где меня избрали председателем. Здесь начинается создание и организации знаменитой организации «Труд и свет». Главную опору в своей работе я имел на заводах Нобеля и Лесснера, «Металлист» и «Рено». Мы собирались обычно в столовой «Рено». Помню, как мы собрались на заводе и стали толковать, как назвать новую организацию. Нам было тогда по 15—16 лет.

К 1 мая мы уже имели стихотворный отряд в организации «Труд и свет». После 1 мая молодежь выдвигает требование 6-часового рабочего дня и прекращения войны. Молодежь требует права избирательного голоса с 17-летнего возраста, потому что, временное правительство не допускало 17-летних, а на войну их браво. Затем были и такие уклонки, когда молодежь говорили:

— Пускай наши отцы и братья дерутся за революцию, а вы должны учиться и быть культурными людьми. Молодежь на это не шла. Партия большевиков дала нам свою опору. Тов. Крушевский и Болодарский работали с выборгскими большевиками. Ленин уделял нам большое внимание. Я два раза беседовал с ним, а с т. Крушевским мне пришлось столкнуться

РОССИЙСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Пролетарии всех стран соединитесь!

ТОВАРИЩИ!

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ!

Спасайся! Ударил молоток него! Возле в подвале революционной Союзной России.

Пролетарии! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь!

Молодые рабочие и работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь!

Все на ура! На борьбу с капитализмом! — Вот лозунг, который прошепчет до ступеней пролетарской души.

Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик! Ты бледный мальчик!

Молодые рабочие и работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь!

Все на ура! На борьбу с капитализмом! — Вот лозунг, который прошепчет до ступеней пролетарской души.

Молодые рабочие и работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь! Рабочие! Работницы! Соединитесь!

Все на мобилизацию!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

Пролетарии всех стран соединитесь!

ВСТРЕЧИ

строеными солдатами. Закрывается союз. Мы, дескаты, расходимся по заводам. Тут звонок вреток, откуда взять оружие. Пошли к пулеметчикам. Они были большевистски настроены и первыми выступили против временного правительства, но автомобиль дать они нам не могли. Тогда мы решили громить гаражи и достали два автомобиля.

У нас были знамена с надписями: «Третьяк, тыран, молодежь на страже». Появились и другие большевистские лозунги: «Мир хлябам, война дворянам», «Долой десять министров-капиталистов». Первый бой был на углу Николаевской улицы. Буржуазия дала несколько залпов. К нам подбежал казачий офицер с криком: «Бей германских шпионов!» Со всех сторон на нас набросились еще офицеры, и произошла сватка.

Другая встреча с нобельцами у меня произошла на конференции Коммунистического союза молодежи и на манифестации. Мы со знаменами пошли к временному правительству. Нам вначале не допустили. Тогда мы устроили манифестацию. С трудом пришли в Таврическом дворец, где к нам вышел

Листовка петербургского комитета Российского коммунистического союза молодежи, призывающая рабочую молодежь на борьбу с колчаковщиной

в работе каждый день. Это я говорю к тому, что некоторые наши историки пытаются доказать, что партия большевиков не руководила юденинцами в 1917 г.

В июльские дни происходит большевистская конференция. Партия выдвигает лозунг: «Против временного правительства». В этот момент партия уделяет нам большое внимание. В повестку дня конференции поставлен вопрос о движении молодежи. Доклады делают Крушевский и Херутов. «Труд и свет» начинают расти, идти в гору.

Июльские дни. На Псковском фронте был буржуазного правительства с революционно на

Боевое знамя детей рабочих завода «Розенкранц» в 1917 г.

Чхеидзе. Мы все были 16-летние, волосы имели длинные. Чхеидзе говорил нам: «Зачем вы пришли», указывая на наше знамя, где было написано: «Долой министров-капиталистов». Мы ему ответили:

— Давая 6-часовой рабочий день, кончай войну.

Во время подпольной работы большевиков Крушевский создал нас и дала задание создать подпольную красную гвардию.

Мы стали организовываться под видом футболистов. Стали изучать винтовки, гранаты. Наступает Октябрьская революция. Все пункты заняты. Однако только Финляндский вокзал остался на провинной судьбы. И вот по поручению большевистского комитета молодежь завода «Нобель» стала на защиту этого вокзала.

На псковском фронте мы, разлетев, разутые, голодные, дрались за дело рабочего класса.

Один комсомолец попал в плен. Его стали пытать:

— Сколько войск у красных?

Пыкали ему под ногти шпатель.

Группа членов петербургского союза рабочей молодежи «Труд и свет» в 1918 г.

ГОД РОЖДЕНИЯ 1917

Репорт
(И не репорт, а крик отчаяния
Или внезапно треснувший выстрел):
«Его сиятельству господину градоначальнику
Честь имеет доложить пристаю».
То-есть, неслыханные дела,
Тут сам сиятельный не разберет!
«Одинадцатого числа,
Девятого пятнадцатый гол,
Капельщики, ученики
Суворова-Савельева мастерской,
Не согласился с зарплатой такой,
Отказались взять молотки.
Администрация—никого взгляди—
Не ожидала предательский свет...»
— Семьдесят мальчиков встаю рядом
И покинуло разом завод.

Только перекидывались
Всмысли да весни,
Да первой массивы
Влачилось знамя,
Вот первая стачка—
На заводе Лессьера,
Первая сходка—
На заводе Рено.

Очень кратко.
Гастный пегин:
«Костромская мануфактура. Восстание.
Королев—одинадцать лет—убит,
Смьсласов—семнадцать лет—ранен.
— Убеждать расклина!
— Платите сполна!
И тогда короткий ответ:
«Убиты Сорокин, Бахуина —
Семнадцать лет
Восемнадцать лет».

Но дни встают,
И люди встают,
И нечаясть встала ода,
И тогда поднимается первый МЮД
Криком: «Долой войнам».
И вот уж не просто
Саюза о свободе,
Несоюзанние влоде,—
Крепких ребят собирает Свиродин
На Петроградской стороне,
Лучших идей зажиткая племя,
Лучших книг полинная вес,
Вестра страна шевелит кружками,
Юность,
азатов напересек,
Шли, сбиваясь дорогами
равными,
Путали дни,
Вождей и пути,
Саушали Шевеновх,
Саушали Дроздовых,
И все-таки знали,
За кем идти.

Листайте, передиставьте прошлое,
И вот—
Последние сорванцы плозы—
Октябрьский переворот,
Рождение Советского союза,
И наст, разворачиваясь, эпоха,
Суровые дни последних атак.
— Революц! На стражу!
Республике плочо!
Наступает Деникин!
Идет Колчак!
Боевая ль сотня,
Шуваковский ли завод—
Идет на Петяру,
На Ямбург идет.
Не жизнь дорога—
Победа дорога.
В райком—
За винтовкой,
В теплушку—
На врага!
Вральш, Триполье,
Криноватские дни,
Юность на-пряже бесшесно,
И сигнальные заваклет огни,
Рождаась впервые, «Смена».

Прислушайтесь! Посмотрите—
Слова попорся прифрото и
стобов
Опыт комсомольский Пинтер

За героическую борьбу с контр-революционной контрреволюцией комсомолец Федор Паюо (снимок в овале) награжден орденом Красного знамени

Российская
социалистическая федеративная
советская республика
Революционный Вещный Совет Республики.

По уведомлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Военных и Колхозно-крестьянских Депутатов Революционный Вещный Совет Республики постановил конья Рабоче-Крестьянской Красной Армии объявить 24 ноября 1922 года Днем рождения Красной Армии за отличие в вою против врагов Советской Республики. 11 января 1921 года Указом Исполнительного Комитета Советов объявлено 24 ноября 1922 года Днем рождения Красной Армии.

ИЗДАТЕЛЬ ДЯКОВ ОРДЕН «Красное Знамя» — символом мировой социалистической революции.

Знамя ордена «Красное Знамя» носителем грам.

В удостоверение поданного и ввиду настоящих грамота.

Заместитель Председателя
Революционного Вещного
Совета Республики

№ 2212

11 ИЮЛЯ 1922 года

г. Москва

Принт. 1922 г. № 44 /л. с./

Симв. ордена № 12063.

Кажет свое лицо,
И первая выжаренный полотни,
И щипком воинственный гром
Зовут молодежь на субботник
И на борьбу с сыпняком.

Пуле республики бегся
неровно,
Холод, голод, враги,
Возды картошку,
Таскала брента,
Носили брента сапоги.

Крепкою дружбаю сбны,
спыны,
Наша ли дружба, взгляните,
пало?
Превращали в проспекты
окраины
И передаывали пеха.

Сегодня — за нефть,
За руду, алант,
В борьбе ежесекундной,
Простой и тяжелой.

Нет, недаром орден лежит
На шестидесятиной груди
И если слова
космозола.
Нас позовут,
Мы бросим поле,
Завод, институт.
Не жизнь дорога —
Победа дорога.
В райком —
За винтовкой,
В теплушку —
На врага!

ДВА ПЕРЕВАЛА

Петроград девятинадцатого года—это перемирие с затопленными подвалами дома, ворота которых наглухо закрываются в девять часов вечера, это пустынные улицы, по которым люди большей частью идут пешком с мешочками в руках или за спиной.

В октябре на Кроповом шоссе, 12, в городском комитете РКСМ собирается очередное собрание. Мобилизации оставили в районе всего 200—300 человек. В здании театра, занятого комсомолом, холодно, ибо нет дров, и неузато. Роскошные люстры уныло освещают желтыми глазами одиноких лампочек в громадных зеркалах, закрывающих стены коридоров и фойе.

Ответственный организатор Павел Усанов, или попросту Панаушка, стоит на бумаге пенсульту дня. Она довольно короткая. Первый вопрос—текущий момент, т. е. признанная роль организатора района в стойкости и бодрости,—несколько степеней комплиментов по адресу начавшего наступление на Петроград ген. Юденича, напоминание о братьях на Западе, о силе молодой Красной армии и необходимости всем быть готовыми защищать Петроград. Второй вопрос—текущие дела. Это значит: сколько еще нужно отдать в новую мобилизацию. В конце собрания променявший за театр отгадывает именем «Интернационал» под аккомпанемент влохо настроенного рояля.

В доме № 27 помещается Петербургский комитет Российского коммунистического союза молодежи.

В этот вечер в комитете собрались Федор Дрезбов, Исаяв Коган (Татаров) и еще несколько «сексистов», т. е. членов ЦК РКСМ.

Из «большого Цеха» Петербургского комитета партии, из Петроградского Петроградского укрепленного района—телефонный провод принес телефотограмму, а смольдинский курьер—пакет.

В нем был приказ об объявлении города на осадном положении и о мобилизации всего населения.

Мы собрались в кабинете Когана вчетвером. Коган сидел за столом рядом в кресле, готовя бумагу для протокола. Федор Дрезбову, Болдыреву расположились на диване.

Обсуждали один вопрос—о мобилизации всего союза.

Первое решение было о роспуске Петербургского комитета и замене его Центральной революционной тройкой. Тут же составили первый приказ о мобилизации и создании следно-боевых отрядов. Решено было немедленно известить районы о мобилизации комсомольцев, о создании из них отрядов и групп, передаваемых в распоряжение партии, и о мобилизации всего актива в распоряжение Центральной ревтрики. Из актива на утро должно были составлены два отряда.

Распределение роли: Коган—текущая связь с районом и с ЦК партии, Дрезбов—началь-

ником 1-го боевого отряда, Сорочкин—начальником 2-го отряда.

Находя переписывая 1-й приказ районом и тут же передавая его по двум телефонам. Содержание приказа примерно было таково: «Юденичу у ворот Петербурга, организация объявляется мобилизованной, ЦК и райкомы распулены, взамен их создаются ЦРТ при ЦК и ревтрики в районах».

Приказ передали. Центральная тройка готовит помещение для отряда. Дрезбов договоривается с Авровым, нач. Петрукрия, о создании отрядов и их вооружении. Вскоре складочном штабе намечают комсостав и структуру отряда.

Павел Усанов мобилизовал все силы и усиленно вызывал народ. Все случайно приходящие ребята тут же мобилизовались и по адресам раздавали приказы другим товарищам. В комитете—сутокло. Идут споры о зачислении в отряд Малугина шпеноского возраста, 12—13 лет от роду, со сведениями на глазах уходящих на фронт. Или братья. Или олдых стрелков и неуловимых разведчиков и наконец соглашаются даже на простую связистскую работу, на что угодно, только бы быть там, куда идут все остальные.

В Петрукрии после провала через ряд постов входим в примыку начала Петрукрия. Там Аврову Разгору коротко. Часть комсомольцев должна быть брошена на казарменное положение в крепость. Из Петрукрия—на Морскую улицу, где помещается штаб.

Враг у ворот города. Раскрытый ЦК заговор безотрадных в штабе армии опутал весь город сетью враждебных очагов. Получив очередные ночные пропуска и наряды на патруль, нужно ехать на Гороховую, в ЦК. Там дается указание необходимости обласки и ликвидации организации бывших скаутов, присвоивших себе громкое наименование ЮКОВ—юных коммунистов.

В тылоте на улицах города беспрерывно кипит работа по постройке укрепленных позиций. Среди работающих по постройке земляных баррикад около адмиралтейства, на Гороховой улице, у Исаковского собора, мельница молодые лица. Морская установка орудий судов на опорных пунктах около мостов на Неве. Жерла тракторных орудий выжидательно смотрят из-за баррикад и броневых барьеров, спитых с ворабаш.

По возвращении к себе в отряд нас огорчивает ночная телефотограмма: «Разъезды белых взяли Лигово».

По городу ползут зловоние слухи—шестит на улицах об взрыве, о том, что сегодня выдали последнюю порцию хлеба, о том, что белые уже перерезали Николаевскую дорогу и захватили эвакуируемые из Петрограда ценности и машины, что финны прорвались под Белоостров и приближаются к Леслашу.

Пулково—вот центр, где решается судьба Красного Петрограда.

Петер получает каждый час подкрепления. Перебрасываются винные часы, ехали отряды коммунистов и комсомольцев с иез. Союза Приехали двадцать активистов Москвы во главе с т. Рывкиным—секретарем ЦК комсомола. Он вошел в состав центральной революционной тройки.

В вышедшем листке «Юного пролетария» в эти грозные дни был один лозунг, который коротко определял все настроение, все то, что делала в эти дни рабочая молодежь.

«Не быть Петеру под белоэрадеями».

Вскоре наступил перелом на фронте. Белые банды откатились от стен революционного города.

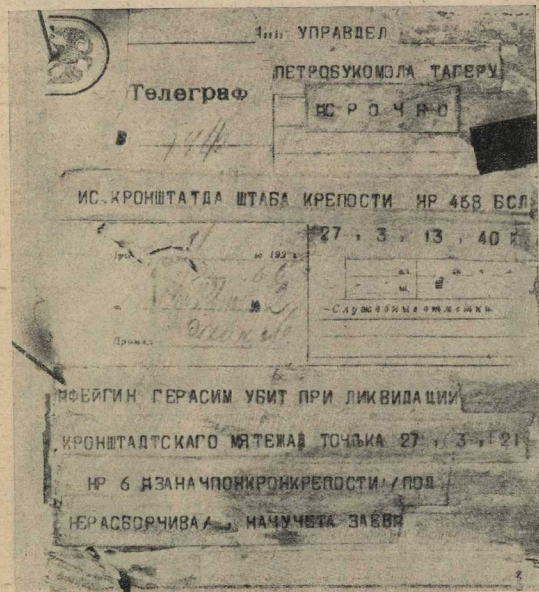
К весне 1921 г. комсомол вырос и закалился.

Позади были годы гражданской войны, фронты зимних У многих прославились смелые настроения и убеждения в том, что гражданская война заканчивается.

Но вперед было еще одно последнее тяжелое испытание.

Вспыхнула мятеж в Кронштаде.

События развернулись с головокружительной быстротой. В комитете отозвали меня а сторону и сказали:

З бою с мятежниками и контрреволюционерами убит лучший комсомолец Герасим Фейгин

— У нас остановился Газерный и Адмиралтейство

И в первый раз прозвучало слово «волюнка». Нужно идти на завод. От райкома партии шел докладчиком т. Дмитриев, прибывший недавно с фронта.

Мы побежали вслеп за ним, вдоль набережной реки, к старым кирпичным корпусам завода.

По разводному мостику на поплавах мы прошли к воротам Газерного острова. На заводском дворе было пусто. Изредка прохаживали рабочие, бросившие работу.

В мастерской, где назначено было собрание, кучками стояли взрослые рабочие и молодежь. Представитель коллектива партии объявил собрание открытым. Доклад Дмитриева о положении страны и о продовольственной проблеме слушали плохо, подавая едкие реплики.

У стены около меня, облокотившись на стол, стояло двое рабочих. Один из них был старик, второй — молодой парень лет шестнадцати. Они изодротливо поглядывали на меня. Старик в одном месте доклада крикнул:

— Ври больше, а хлеб где?

Тогда промелькнула мысль: какой он к черту рабочий? Деревня в нем говорит.

В это время закончился доклад и была предложена резолюция, в которой говорилось о необходимости немедленно приступить к работе. Поднялся отчаянный гвалт и шум. Отдельные подозрительные типы, вельзевлине в толпе рабочих, подавали контрреволюционные реплики. К выходу за одним из таких шептуню пробрался один из наших партий, который под курткой пришлого человека заметил матросскую формушку. Не помню, задержал ли он кронштадтского агитатора, но факт только тот, что рабочих вчинившая ожившие мальчишки и семеря, пролезавшие на фабрику и завод.

Резолюция была отвергнута. Только мастеровых, как вынеслось после, потовместных протаракеев, и небольшая группа молодежи, главным образом комсомольцев или близко к ним стоящих ребят, согласились стать на работу.

В этот же день и к вечеру получил приказание явиться по предложению ЦК в распоряжение райкома партии.

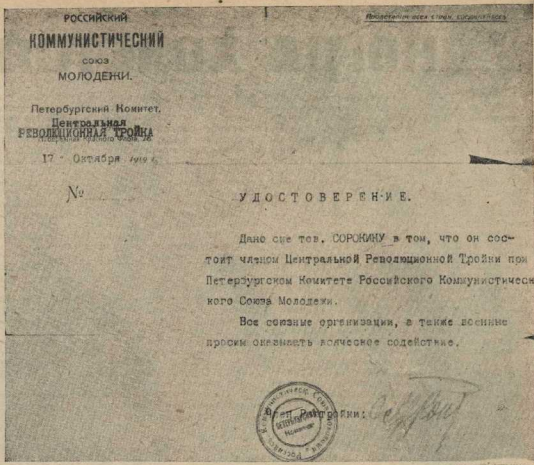

Первый санитарный отряд 2-го горрайона Петрограда

На улицах появились листки, сообщившие тревожные вести. В Кронштадте мятеж. По газете — денатура Колосовский.

В комитете партии, на улице Ганьки, 4, в реэтроее шла вышаривающая работа.

Отгор района Кляво-Клявин, посмотрев на бумажку от ЦК о послыке в распоряжение района, коротко отрезал:

Удостоверение одного из организаторов комсомола И. Соркина — члена центральной революционной тройки Петербургского комитета, автора очерка «Два в, е ала»

— Останешься при реэтроеке. С Юрюмим — немедля организуйте агентурный отдел. Наверху, в маленькой комнате по соседству с расположившимся отрядом коммунистического батальона, составили наскоро записку

Наши комсомольцы старались во-во. Вот воблают двое ребят и сообщают: «В Вознесенской церкви пол проинизит погромную речь. Что делать?»

— Как что делать? Изять его из обращения.

Ребята, не требуя никаких инструкций и указаний, немедленно смыкаются. Через некоторое время еще двое партий приводят солидного, добротного, старого петербургского дворника, сохранившегося в позной неприкосновенности, кроме медалей за усердие.

Он делает возмущенное лицо и пытается доказать свою невинность. Его уличают ребята, с торжеством вытаскивающие из кармана «Известия» кронштадтского ревкома. В одно утро, в первых числах марта, в момент решающих боев под Кронштадтом, прибегает Васильевский. Он странно огорчен и свирепо смотрит на окружающих.

— В чем дело?

Оказывается, парень на рассвете, иля с патрулем, заметил какого-то человека, расклеивающего какие-то бумажки на стенах. Подойдя к одной из таких бумажек, он увидел, что это кронштадтские листки мятежников. Бросился в погоню, но незакомое уже бросился бежать. Васильевский во время бега замучился и упал. И в это время противник скрылся. Трофеями остались лишь листки, усердно сорванные со стен домов.

Накануне штурма Кронштадта в агентуре провозился целый бунт. В зале райкома был выставлен отряд и из него отбирали группу для отправки под Кронштадт. Остальные должны были отправиться вечером со следующей партией. Ребята — комсомольцы из агентурного — завидки категорически, что они едут все. Тихоно председатель реэтроеки Кляво-Клявин убедил их подчиниться дисциплине. Они уперлись на своем. И только реэтроеки и дисциплине на время успокоили возмущенных ребят, считавших, что «их обходят, им не доверяют, не хотят посылать под Кронштадт».

А через час они уже горько сетуют на свою судьбу, расхвалили в ватруду по району, с завистью прощаются с уезжающими товарищами.

Коммунистический мятеж был вскоре подавлен.

Громи революция прошла мимо нас. Когда в Громи Поляея ввязи отступавшие поляе-ские части и когда потом по дорогам немощные тапачки отходящих красных войск, семилетняя Надя Басея рисовала в своем альбоме и пугалась вскриком мамы. Мать приручила ее к тому, что политика—дело больших и важных мужчин, и газета считалась самым страшным пороком для девочек. Она видела только в том, что уходящие коммунисты с кем-то отец, требовало свидания за сменой властей, и как вздыхала мать, подслушавая беседу уплывающие гроши.

В Громи сирой городок. Царск остался в стороне от решающих битв. Черес него проходили, отступающие и наступающие части. Проходили и уходили, тот, кто отступал—куда-то завтра же мог быть победителем, чтобы через день самому превратиться в преследуемого. Туман был остался позади, никаких памятников оборонялись, а Надя уже ничего не помнит. Где это тогда это было, да и бывало ли это? Запомилось только, как в дождливый вечер жуком, говорят русский, броневик унес дядю—тоже мальшья,—и близкие шломотог городку, что и стал большевиком.

—А что такое большевики, мама? —Мама говорила, что большевики—это русские. Думать об этом было трудно, и это не давало сразу понять, почему, что большевики—это разбойники, вроде тех, о которых говорится в сказках. Надя рисовала себе черноты и страшный дядя с бородой до носа, как мамы, разное, но все гнало черноту, словно из сивы, грива и за поясом—ножи, ножи, ножи... А в руках что-то странное и шипит. Таких никто не видел, но все говорили, что это большевики. Надя рисовала их перед собой, Надя пряталась в подушку и засыпала в слезах.

—Так когда-то настал вечер, когда двоюродный дядя приходил к маме и говорил о комсомольцах. Комсомольцы—это было страшно: комсомольцами называли тех, кто являлся с этими страшными чудовищами—большевиками. Мать злогона поговорила с дядей, чтобы больше ничего не было. Так она дождала до 14 лет и не знала, что рядом в двухстах километрах,— советская граница, что там совершенно другой мир и что там коммунисты, которые даются большевикам комсомольцы, которые вовсе не разбойники.

В памяти еще остался прогнивший, где сухой и безстрастный учитель объяснял, что Польша—одна из великих держав, что ее король всякие Сигизмунды, Болеславы и Стефаны—были лучшими королями и что настаете день, когда все москаль будут холодами у польских панов. Учитель Пясульского будут теяться у уральских проходов. Он же еще рассказывал, что во время последней войны разбитые Пясульские большевики все бежали в Москву, а там их ждала Москва, а там они повернули и стали бежать обратно... Был еще такой Гадеут Костышков—так он тоже был москаль и тоже собрался дать Пясульскому король, а москаль слушали и некоторые провалили ахты, ахты и Надя, и несколько в голове король тронясь, как мухи, а больше ничего не было.

Двести азов дядино отца безжалостно побирали семья. Когда-то он был рабочим, теперь стал табельщиком на фабрике—высудился. Но заботы все так же охватывали его лицо, и концы—подходить к концу: он ошучивал кошек и чуял, что завстаня цель—сберечь что-нибудь под старость—становится все более зыбкой и туманной. И матери надежда беспорядочно борясь за копейку, надело поговорило-куляться в лавочных долгах, и она горюла грустно: придет надежда.

Сколько раз пришла девочек Шлякман ирелем одевающую фабрику и считал себе корнем постыльного искусства. Ему казалось, что нес горюет:

—Кого кого лучше одеять в мире? Конечно у Шлякмана. Но никто все-таки не говорил, и фабрика была грязная, и жыл Шлякман только за хорошею работой. Заводчанам девочек набравая пятачки и начинала учить.

Уж очень прельщала возможность слыть хорошею платьем, пойти в кино, погулять с знаменитыми людьми, которые всегда уявиуются около хорошеющих платьев—познаниями своими бездельными трутунчиками... И в три месяца она овладела этим искусством. Тогда ей положили полтора злотых. Через несколько месяцев она стала получать два: это была высшая плата и за эту плату две работницы должны были дать в день 15 адов.

Она поднималась в пять утра, и в шесть—е руки уже бегаги по станку. Она научилась работать в этой области, в этой области, в этой работе. Когда она приходила домой в половине шестого, она валялась на кровати и неподвижно устремляла глаза в потолок; перед глазами стояли сине, желтые денга, а все тело подергивалось тугой, непреодолимой болью.

Надя предболоваля усталость и, шатаясь, спускала в кино на вечера к подругам, где всегда встречались люди, ищущие хорошеющих платьев. И тогда она снова стожкилась с политикой: Надя болосла ее, как она, потому что политикой занимались люди, ищущие хорошие и черные. Но политика сама пришла к ней—вечерами через танцы у подруг.

Это было время, когда в Лазеках дрались легговеры Пясульского, страстные и черные. Но политика сама пришла к ней—вечерами через танцы у подруг.

—Пясульский обещает нам лучшую жизнь. Отдать ему власть, что ли? Кто лучше—кулак или коммунист? —А коммунисты развалили руками и не знали, что ответить. Тогда много было таких рабочих, которые пошли в легионы Пясульского—кулак—это были большевики, которые жили в бую голыны, другие так навсегда и остались предателями своего класса, третьих, которые не были ни первыми ни вторыми, потом еще жили в бую голыны. Но эти два большевика жили ни ручник ходил к молодым рабочим и говорил им:

—Хотите иметь хорошею заработную плату? Хотите иметь квартиру? Хотите иметь хорошею одежду? Хотите быть заводом на вечерах, где много хорошеющих девочек? Идите в «Стрелку», боевой орден вождя нашей родины—вырши! Пясульского.

И находились такие, которые шли. Ак, было даже очень много вначале... И Надя ходила на вечера, где все чаще встречала знакомых парней, которые научившись фехтовать, не хуже офисеров и не хуже офисеров кричали: —Нех же наш маршал! Потом они нередко уходили куда-то,—Надя не знала, зачем.

Тогда и среди девушек появились толстоногие агитаторы маршала. Они тоже говорили, что политика девушкам не нужна, но защита родины—это не политика. Если большевики нападут (почему-то так всегда выходило, что обязательно большевики нападут), девушки должны будут носить оружие. В пихолах девушки увидят дельтов, знакомыми с винтовкой и револьвером.

И опыть политика лезла сама в глаза и в уши. Она иногда читала—это занятие ей досталось от матери.

Толстоногие дамы предубреждали: —Надева, ты должна идти в фабрику зарабатывать: нем законен. Если хочите сохранить место, идите в ишду/организацию...

Политика? Надя заболела от раздумий и может быть от усталости. Когда месяца спустя она пришла на фабрику, на дерах висел знак: пан Шлякман разорился и закрыл свое заведение. Подруги разбрелись куда-то. На вечеринке в «Стрелку», куда она вдувала заглянуть, мелькала все незнакомые лица. Не было знакомых парней из «Стрелка». Те, у кого она спрашивала, пожимали плечами. Они считали двоюродного брата тухлоком. Тот объяснял:

—Панификация, понимаешь?

Так ему объяснили комсомольцы. Как раз этого Надя совершенно не понимала. Но она пошла пашификация нуком, когда рядом—во двор ночью пришли красноеглазые люди из «Стрелка» и ушли в рабочее учреждение. Мать и дочь плакали у ворот и еще бегаги куда-то плакать. Они о-чем-то шептались с отцом, и отец одобрительно кивал головой; тогда украинские повеселевали и встали в очередь в «Стрелку». Потом они бегаги куда-то и так их не было два час, два ночь. Но когда они перунались к утру, их гавза был так же, бароны и весты, и ушли в рабочее учреждение.

И вот тогда ей стало по-настоящему страшно, и как-то совсем иначе замелькали в мозгу Сигизмунды, Владиславы, Стефаны. Она метнулась к книгам, в которых было мало любви и много ненависти к коммунистам, к «Стрелке» и к Сенкевику, к Рейнуду и Жеромскому. И она узнала, что вся жизнь до сих пор была кровью и трупы. Люди являлись в романах и книгах какой-то несрочной среневею жизнью, а мимо металась, как-фантомы, трубные голоса, и река крови текла по большим страшным истории, в золотых обрезах которой паясиа рыцари и Сигизмунды. Потом—повеселева клонок газеты, где было сказано, что на Западной Украине, здесь рядом—в Польсе, в южной от галициских полей к карпатским далям—убивают деревни и люди кулаются в крови сами и купуют своих детей. Она узнала, что в этой ищей стране бывает моменты, когда людей можно убивать без суда, можно грабить их жалкие скарбы, можно убивать матери и заводить их смотреть на смерть своего отца. И все это называлось панификацией, что значи умиротворение...И она никак не могла понять, почему тут к ммиру так забав комсомольцы.

—Тогда она впервые подувала о Москве...

—Нет ли там спасения? —Две сестры ее были там. Когда от них приходили вести, весты были хорошие. Отец говорил:

—Пусть дети живут там, где им хорошо.

—Подруги—те, у которых была дружба со «Стрелкой».

—Поезжай, поезжай. Там тебе отдадут какую-нибудь борозатому комиссару, и он будет над тобой извмывать день и ночь, а потом выберет тебе ушачья прореска...

В Варшаве у Надя был дядя. Дядя был советский: он работал в торговле. Надя написала дяде:

—Можно ли приехать?

—Дядя ответил: —Можно.

И год она прожила в Варшаве. Дни тянулись пусто: работы не было, но знаниям тогдашних людей безработные. Вперед был год. Что в них? Нустая беззащитность являла в очие. Надя гуляла по улицам и поперемежу танцовала доустра, но она не могла забыть, что она видела живого большевика и живого комсомольца. Зато она не раз видела их полуживыми: когда в Воли, из Праги приходили демонстрации, они шли в Варшаву, и они уносили в крови в больницы. Они, полуживые, поправлялись ей—отважные, безстрашные ребята. Но дядя сказал, что живые лучше. Тогда она пришла к маме:

—Мне семидцать. Что будет дальше?

—Вперед было ничто. Гора кризиса наваливалась на Польшу, давила. Каждый вечер в мюрг привидело холодно. И ее вину. Люди пытались бороться, и смерть казалась легкой. Люди стали выбрасывать из окон: нет средств на революцию. Так тупило даже умереть в Польше. И тогда-то она твердо решила:

—Еду.

—Она еще не знала, хорошо ли в Москве, но здесь, в Варшаве, вперед ничего не было. Там было холодно. И ее вину. Люди пытались бороться, и смерть казалась легкой. Люди стали выбрасывать из окон: нет средств на революцию. Так тупило даже умереть в Польше. И тогда-то она твердо решила:

—Еду.

Навстречу бежали советские весты; тревога росла, и когда в весте говорилось, что становится у перона Негородего, Надя вышла из дома, не чуя под собой земли. Но вернуться назад

было уже нельзя, а высокий пограничник, взвизгнув паспорт из ее дрожащих рук, был так приветлив и весел, что она вдруг почувствовала под ногами землю, и земля сразу стала почти родной и знакомой. Тогда она осмелела, попросила тактично:

— Покажите мне живого комиссара...

Высокий пограничник переговаривался с другим пограничником, и они только улыбаясь, рассмеялись им позволава корректность. Тогда кто-то пошел звать военкома Васьича, но Васьич затракала, усы у него были в сметане, и он вовсе не расположен был демонстрировать перед польской дамой. Но его ассистенты обданны в боевой наряд и потащили в вагон. И когда он, большой, гладкий и веселый от ярких нашивок, наклонился к Наде, она чуть-чуть не спросила:

— А можно его пощупать?

Васьич не дал себя щупать, но говорил с ней тоже приветливо и даже взял ее под руку — так нежно, как мог. Тогда она сказала себе:

— Нет, борода это ложь...

Но сразу было и то, что большинки знали: они сразу нашли ей работу, которую тщетно было искать в Польше.

И вот Наде на 10-й фабрике Московские. Четвертый разряд—120 рублей в месяц. Шлякман не мог и мечтать о таких фабриках. Здесь машины гудят, как звери, и делают работу тысяч людей. Наде поразилась, как сразу дисциплинировала машина. Она делала столько же, даже больше, чем в Гинске, и все это в семь часов вместо пятижидковских одиннадцати. И в промежутке еще был обед и в переписе еще играли в волейбол и оттого проходная усталость, и труда перестала быть мучительной необходимостью. Потом она еще узнала, что есть такое учреждение—одиночный дом отдыха. И там было тоже совсем неплохо—в Польше не мечтали об этом. Все это порождало, все это было оно, вместе трети приходила радость, и теперь, все чаще вспоминая о рассказах подруг, она смеялась над ними.

Она вспоминала двоюродного брата—не того, что гулял с комсомольцами, а другого. Он окончил варшавский университет и торжественно блистал своим дипломом филолога. Он смеялся над большевиками и говорил:

— У большевиков нечего делать людям науки. Наука не нужна большевикам. Мы можем творить только здесь, на Западе.

В Варшаве ему не нашлось места, и он смело поминался в Париж. Но Париж оказался несчастливым только в романе. Когда последний золотой был разменен в мезальян бужде и потонул в кассе дешевого кабачка, отважный филолог пошел подручными к скорнику Руха, холщевые от воякили Горации и от суровой ритмики Наюна, погубилем в мешине сырых мехов, и режь его потеряла свою живность. Только по ночам он изредка вспоминал о радужных мечтах молодости, твердил бездумно строку из французского романа: «Я себя на кафедре в мантии бакалавра... Что ж, у каждого свой дорога.

Но случались и у Наде свои печали. Фабрика встретила ее сухо, молчаливо, подозрительно. Никто не знает ее прошлого, знали только, что она из Польши, что приехала несколько назад и что целый месяц болела от неприятели жизни... И потому говорили:

— Неженка.

Но работницы говорили с Надей мало, больше молчали, дурного слова не сказали никто, и хоть на фабрике публика была темная, малограмотная, но никто не позволял ни грубого слова, ни похлопывания по плечу, ни ласки. Да и тогда, когда через месяц в комсомольской ячейке не оказалось уполномоченного по Комсомольской правде, ей предложили занять это место. Она согласилась. Работа все еще относилась к ней подозрительно, но когда она в первый раз по неопытности задержала списки, ей чуть-чуть не закатили выговор. Тогда это уже были последние реплиды подозрений. Потом отпустили лучше. Она все ушла в работу, увлеклась ею, у нее не было других интересов, других мыслей, она жила фабрикой и на фабрике. Она стала удалившейся от комсомольской. Теперь она уже не представляла себе, чтобы могла быть иначе. И так как она хотела работать, искала работы, ее нагружали. Она стала членом бюро бюро ячейки, членом бюро бюро ячейки, членом бюро. Следующий шаг—политкружок активна, и вот уже на очереди у нее работа с новичками.

Надя Басович

Сама еще чуть-чуть только не новичком, она уже работает с другими, более молодыми, и наверно неплохо. Во всяком случае, на фабрике ее работу оценили вполне и премировали... валиками. Это конечно не хуже тех часов, о которых говорил Косарев, но первое время она с тревогой переворачивала эту тяжелую, громоздкую премию и даже мечтала о том, чтобы валики кто-нибудь украл. Проблема осталась нерешенной, и зимой она начала целепать в них, благо форкстроты давно вылетела из головы.

Поговорите сейчас с Надей:

— Поехала бы в Польшу?

— Нет, мне здесь интересно.

— А с подружками переписывались?

— Нет. О чем мне им писать? Они теперь совсем чужды. Родные иногда пишут, я думаю, что им неидеально уже терпеть.

И вот захотелось учиться. Сухая прогимназия не оставила ничего кроме Сигизмундов и мечты о малиновом зноне. Сигизмунды и знон выветрились и оказались: ничего. Так мало оставила буржуазная школа. Захотелось на фабрику—не пустили. Говорят, здесь нужна. Конечно на полочке уже нет любимых романов, и Наде все чаще заглядывает к Ленину и читает газеты. Но хочется какой-то системы, каких-то больших, настоящих знаний, которых ведь давал и не могла дать писанная книга. Ребята учатся у нее подчас, но ей самой хочется крикнуть:

— Я сама хочу учиться. Пустите!

Не пускают. Ячейка рада, что попалась работа и держится за него. Это неправильно, ребята, и вот еще что неправильно: Надю убедили в том, что не нужно хорошо одевать-

ся, не нужно танцевать. Это все вадор. Молодость нужна советской стране еще больше, чем всякой другой. И я бы на месте Наде вытиснула цветные лакированные туфельки: в театре, в кино в них куда лучше, чем в недобрых московских.

Надя говорит:

— Мне неважно. У других нет таких туфель.

Что из того? Будет еще и у наших комсомолок туфли и платья, которые не уступят заграничным. Главное, чтобы туфли и платья не заслонили основного: комсомольской твердости духа, денкинской выучки. Комсомольское сердце так же бьется под легким крепделином, как и под байковой телогрейкой.

Надя—одна из многих районных, незанятых работниц, которые пришли к нам, не веря и не зная. Они поверили здесь, когда величие нашего дела вошло в их плоть и кровь. Они не герои, но ведь каждый из нас несет в себе маленький кусочек коллективного героизма комсомола. Надю захватывало большое дело, и она отдавалась ему. Но у нее впереди еще молодость, она предвещает свои права. Жизнь в Советском союзе не только интереснее, полнокровнее, богаче содержанием. Она красивее, она дает простор молодости, не связывает ее никакими путями, и плоха та ячейка, где комсомольцы не смеются.

— В Варшаве каждый день 20 человек кончат самоубийством. Тем, кто сейчас стоит у места или держит у себя ходящее дуло револьвера, мы предлагаем прочесть маленькую, простую историю Наде Басович. Тогда она увидит, что нужно сделать, чтобы захотелось жить.

КУХТРЕСТ

Фото Соронина

Старик ел обстоятельно. Он отламывал маленькие куски хлеба, высоко поднимая ложку. Капельки пота висели на белой проглатанной ложке. Прижимая хлебный ломик к ладони аллюиновой выпуклости ложки, старик глотал паниши цн. После каждого глотка он отправлял в рот намокший кусочек хлеба. Это была медвежья лапа, стругая, оприят стариковская еда. Сухие пальцы шутурата, чуть дрожа, подносили ложку к намокшим вискам сына. Деревяский шутурату-сезонник знал цену каждого глотка.

— Двадцать пять копеек стоила тарелка панишых пней.

Сама Пяня вряд ли знала об этой цене и уж наверняка не могла бы сказать, почему именно двадцать пять. Вообще ее не интересовало, что происходило в обеденном зале фабрики-кухни. Там царствовали поднос и талон, бесконечно уползли и прихлысли люди, усевшиеся на нагретые стулья. Там острее и слышно шелкала масса.

Там мохрял тришка летала по клеенке, и тяжелый поднос подпывал к столу, и нетерпеливые руки тянулись к тарелкам—одна, другая, третья—и старик-сезонник брал ложку в сухие пальцы. Там кончалась ниточка, которую держал Пяня.

От столка обеденного через раздаточное окно тысячу ниточка к белым круглым котлам, между которыми пробегал бригадир супного цеха Пяня Пучкова.

Итак, ни из какой касты—пять тысяч бляд...

Ну, здесь как будто все в порядке. Пяня останавливается у котла, белая полная девичья рука тянется к котлу, который митово тухнет за носом. Едва коснувшись губами ложки, девушка мчнется дальше—по швам благозвучно, нельзя задерживаться.

Паровые котлы шипят, из краника бьет струйка горячей воды. Чернорабочий тащит до складского кафедральному полу печуконые темносенные термосы—это судки тысяч. Тысячи ждут паниших пней.

— Шн свежее с помидорами—3000 бляд... Достаточно ни зививать помидор? Нет, жаадо, жаадо. Надо сообщить заготовительному цеху.

Рука, только что державшая ложку, берет шершавую трубку телефона.

Тяжелый поднос подпывал к столу

Фабрика кавалась Пяне гигантским примусом

В глубине огромного здания, в темной комнате подвешивая асфальтует эстетический свет, на деревянную полочку а/сжает ящик с подблескивающими помылками помидорами. Через минуту-две девушки в супном цехе, заправив тришка в деревянные ухи вишней, горючло положу его к белому котлу. Им не ползается выползять черной работы, так как Пяня Пучкова—повар первой категории, а Ксения Гаузова—второй. Но сегодня не вышел старик Илья, подсобный рабочий. Шн со связками помидорами—три тысячи бляд—должны быть готовы к сроку.

— Что гляди, ах ты!—возмущается Пяня, быстро перебирая помидоры и отбрасывая сухие и пыльные. Она ставит работнику на первый помидор. Но какой ли рабочей силе на раскураторе банок с консервами? Суп из мисных консервов—три тысячи бляд. Ох, эти продукты банки! Утром было столкновение со старшим поваром Шестифоровым. Почему Пяня вчера не распорядилась раскрыть банки?—Бригадир! 193 получасий! Ух ты!—рычал Шестифоров—высокий поджарый пивар с серыми холодными глазами. Эту был радизный и опытный пивар, но резкий и даже грубый человек. Особенно он любил трезировать «барышник», окончивших кулиарную школу ФЭУ, как Пяня Пучкова.

Пяня по-бабьи расплакалась. Она не умела отвечать Шестифорову, как Ксения,—и яловато и спокойно. Ксения была из домашних работниц, звала людей. Она уже давно собиралась проткнуть в стеллаже Шестифорова с его автоматами. Пяня же была слабодушой и нерешительной. Ей казалось, что Шестифоров лично ее преследует. Великолпная повариха, кормившая ежедневно своих супами 30 тысяч человек, она не знала, к кому обратиться, чтобы поновить конец грубым поварам старшего повара.

Но сегодня Пяня смутно опущала свою вину. В самом деле, можно было еще вчера раскрыть банки. Но она так закрутилась. Ведь первый год, только первый год работы! Еще недавно она выплывала в тетрадку математические формулы и подробные раскладки.

Борьма сквозь слезы упреки и оправдания, Пучкова напряженно соображала. Шестифоров еще увидит, умеет ли работать «барышник». Она ставит Ксению на последние супы, Машу—на шн. Снятые с картофельной нистря бабы раскрывают консервные банки.

Фабрика перешла на подблюдную систему. Нужно максимально разнообразить пишу. Сегодня еще суп первичной с головной—тысяча бляд. Пяня погружает руки в скляную студеистую массу. Мертвая рыба чепула, бесформенные коричневые куски мелкают в руках. — Шестифоров,—звонит она, преодолевая чув-

ство исприван!—Разве можно такую голововину заправлять?

— Работничка,—что их!—Шестифоров косо выгадывает на Пяню:

— Отсылай обратно... дочка.

Последнее слово пробует от него большого усилия.

Пяня держала ниточку, но была равнодушна к тому, что происходило за пределами цеха. Она знала, что супы ее хватят, и этого было достаточно.

Ничего важного не видела она в повседневной сумятице кухни. Привычный, установившийся кустял завар, белый котлак Шестифорова, раздаленный повидор на кафедральном полу.

Вся фабрика была для Пяни гигантским примусом с кастрюлей, и ей казалось иногда, что она стоит у этого примуса в темном коридорчике жизни, услужливый людям, занятый другим—теплойшим делом.

Она никогда не презирала свою профессию. Рейта с «Духса» встречала девушек с фабричных кухонь едкими нахлестившими восклицаниями:

— А! Кухня! КухтREST! Котлак!

— Девочки, от вас шени воиет!

В сравнении с этими корнями пролетариатами, строгими самостоя, квалификациями, сложными и товарищи поварами были людьми второго сорта. Пяня догадывалась, что в этом пункте была ложь, фальшь, грубая ошибка. Эх, умела бы она говорить! Но большинство девушек аривали пиварку как должное, безблочно отпунчались. Может и вранду что люди несет? Дома бы надушиться как следует!

КухтREST! Котлак!

На фабрику-кухню аривали десятки абсолютнейшей, бригад, комиссий Посторонние люди неужако толкались в кухню. Подходили к Пяне, спрашивали—и всегда одно и то же: — Каким протуксоват котлак?

— Как выполняется план?

— И больше—ни о чем. Как на экскурсию.

Никому не было интересно, что она, молодая повар, успела за этот год, какие у нее отношения с Шестифоровым, как она организует ривия с Шестифоровым, как она организует ривия с бригадой. В газетах писали об ударах бригадах бетонщиков, домочиков, шахтеров. Но Пяня не аривало читать об ударной бригаде повара.

КухтREST! Котлак!

Рядом, в лаборатории, высчитали количество еще супов, а она ничего от этого не знала. Созывались конференции потребителей, тай говорили о качестве обедов, о цене, об отдельном зале для лучших ценов лучших запо-

ГЛАЗА РЕБЕНКА СМОТРЯТ НА ТЕБЯ

да, но Пани оставалась в стороне от всей этой жизни. Никто не взял ее за руку, не повел, не толкнул в сторону этой жизни; а сама она оказалась слишком нерешительной. И она была только работницей, чистой, чистой хозяйкой-поварихой.

А в комсомольском комитете даже не знали фамилии этой девушки!

Пани пренебрежение к своей профессии, издевка над колпиком и Кухтрестом, деление пролетариев на первый и второй сорт—это от предрассудков капитализма. И гнусные соринки этого предрассудка мы должны выпалывать с той же неутомимостью, с какой выпалываем античный индивидуализм, стяжательство, нравство, леги.

Презрение к кухаренку, к кухаркинemu делению накапливалось в десятилетия капита-

Каждый раз бравацкий проверял
качество щей

листического рабаства. Сегодняшние мастера кулинарного искусства, старые кадровики фабрично-кухни № 1, прошли мучительный путь 25-летнего бесперывного труда, начал с мальчиков, с побегушек, с умилений, зачастую с жалкого подхалимства перед поваром-нефом.

Выпускница советской кулинарной школы Пани Пучкова приобретает квалификацию в чистом светлом цехе, у лучших заграничных котлов. Ей дана возможность руководить целой бригадой. Ни один повар не осмелится погнать ее по своему личному делу.

Пучкова варит суп не для компании купчих, привативших пообедать в «Бль», а для трех десятков гласки пролетариев с заводов Ленинградского шоссе. Она, Пани, участвует в выполнении промфинплана около 10 предпрятий. И ее роль в выполнении пятилетки ничуть не уступает роли героической бригады, заливавшей последние кубометры бетона на днепровской платине. И все же—Кухтрест, колпак, оскорбительная насмешка.

Но разве не пришло время окончательно направить эту несмешку в наперед быть? Разве не пришло время совершить перегородку, отделяющую кухню от обеденного зала, и сделать работу Пани известной и дорогой десяткам тысяч пролетариев? Разве допустимо, чтобы девятидцатилетняя удальница, прекрасный повар, была вне радов Ленинского комсомола?

Разве не должны с такой же гордостью, как «я—бригадир с авиазавода», заучивать слова:

— Я—повар с фабрики-кухни.

«Беззаботное детство».

— Довольно!

Что он знает,

ребенок,

из вольных

зауков,

нрасон,

заполнивших мир?

Он не знает улыбки,

пойми,—

знает

голод

и сумран,

и смрад,—

все,

чем дышет

Пролетариат!

Что он видит?

Дни в подворотне,

земляное лицо отца.

Как из книги,

с морщины лица

льется повесть

о безработных!

Только изредка

видит

мать он,

уходящую к людям

еще засветло.

Мать

так поздно

приходит обратно,

что забыты давно

материнская нежность, тепло.

Он не знает

ни неба,

ни солнца,

ни зноя...

Знает

узкий

дворовый

чахоточный мир,

ограниченный

лестницей и стеною,

перепачканный

ношками и людьми...

Но

из детских

глаз

поднимается,

в полный рост,

на смышленном лице

горит

недоуменный вопрос:

— Почему

мой отец,

отвечать не хочет?

Почему

на скамье

так тихо сидит?

Почему

моя мать

целый день хлопотет

и все-таки

нашлет

хрипит в груди?

Почему

мы так часто

сидим без хлеба?

Почему

в наши окна

солнце не брызжет?

Почему

для других—

и земля,

и небо,—

а мы

ничего

не имеем от жизни?

— Терпенье, ребенок!

Неделго ждаты!

Скоро

работу

найдет отец,

мама твоа

перестанет страдать,

больше

не будете

голодать,

корчиться

в нищете...

Так будет,

когда мы

прогоним

богатых,

дающих не хлеб,

а свиней и козень...

Так будет,

когда распахнутся квадраты

темных казарм

с нищетою,

с плевками,—

только тогда

будет смех твой

званок,

только тогда

глянет луч

в окне,

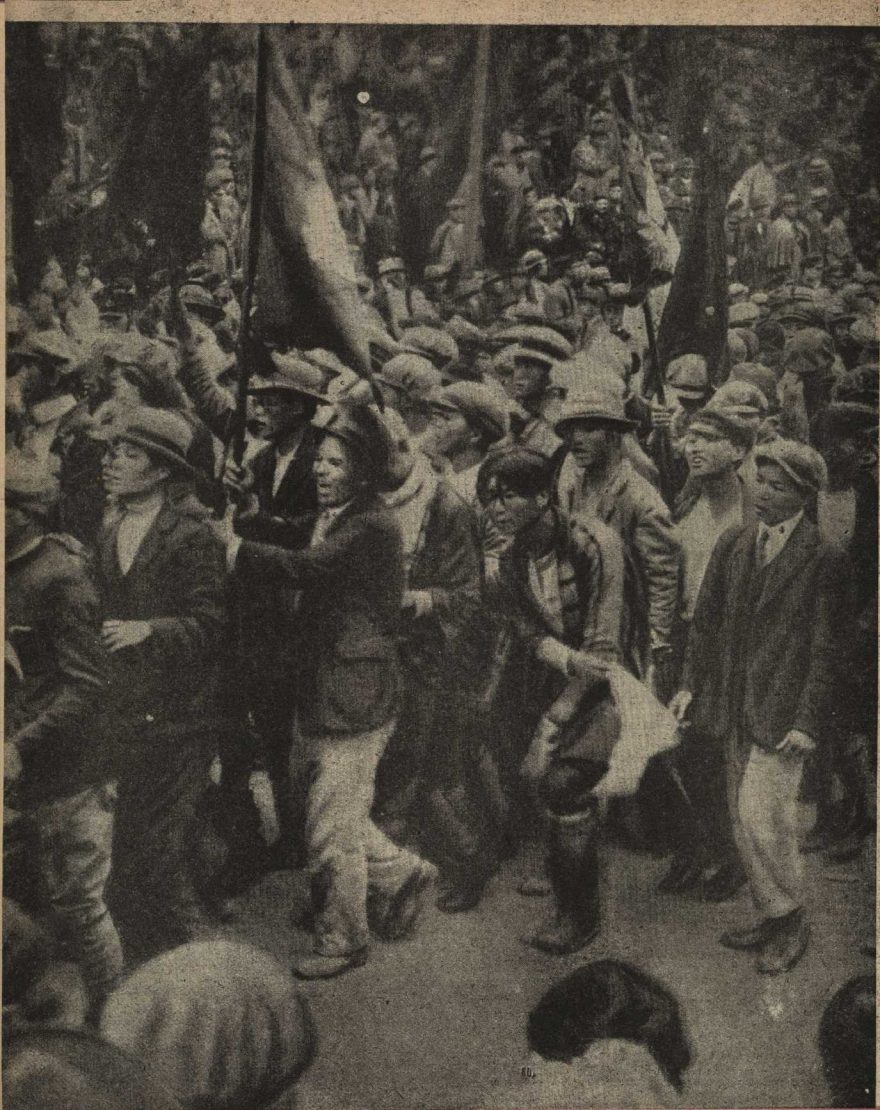
только тогда,

пролетарский ребенок,

ты

улыбнешся

солнцу!

В Шанхае обезглавлен Чи-Сини; в Мадриде гильотинирован Сатор Абдул. Их хотели заставить отказаться от защиты Советского союза. Слепота отупляющих тиранических надзирателей. Никакая сила не может сломить врожденной солидарности

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХУИИ МЮД!